

Паскаль.

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ПАСКАЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ

М. М. Филиппова.

Съ портретомъ Паскаля, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

XXII - 119948

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-автографія И. Г. Салова, Мѣщанская улица, д. № 5.

1891

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Экстазы человека. П. *Маттеусица*. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.; 2) Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. Ц. 50 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нильера*, съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физиологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. *Г. Жюли*, 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) Міръ грёзъ. Д-ра *Силона*. Сквоздѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнозизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р.; 10) Первобытныя люди. *Доббера*. Съ многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. *Турба*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. *Ломброзо*. Съ портретомъ автора и нѣсколькими рисунками. 2 изданіе. Ц. 1 р.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Ручной трудъ. Составилъ *Графиняи*. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рпе. Ц. 1 р. 50 к.—Электрическіе звонки. *Вантона*. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнитъ *Д. Голова*. Ц. 1 р.—Руководство къ рисованію акварелью. *А. Тассини*. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—На всякій случай! *А. Альмедигени*. Научно-практическіе совѣты по поведоведству, садоводству, огородничеству, домоводству, а также по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами. Часть 1-я. Ц. 50 к.—На всякій случай! *Его-же*. Часть 2-я. Ц. 50 к.—Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ, вкусовыхъ, а также другихъ веществъ. *А. Альмедигени*. Ц. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками. ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Цыганы. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онѣгинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Доминъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестьянка. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровский. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанова дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачевъ бунта. Съ множ. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драмат. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 70 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами лицъ, которыхъ писалъ Пушкинъ. ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангель Смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) Измилъ-Бей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абревъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) Боярь Орша. Съ 7 рис. Ц. 5 к.—6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Ауль Бастунджм. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Чернысы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) Джулюю. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой ишего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) Бала. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталистъ. Съ 3 р. Ц. 2 к.—21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маснарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашикъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Негиня Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Странный человѣкъ. Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	5
I. Дѣтство Паскаля.—Раннее развитіе.—Что въ XVII вѣкѣ считалось „чудомъ“. — Смерть матери.— Вліяніе отца.— Изобрѣтеніе 12-лѣтнимъ Паскалемъ геометріи	9
II. Первые научныя работы.—Начало французской Академіи наукъ.—Арифметическая машина	14
III. Паскаль и Декартъ.—Отношеніе Паскаля къ ученикамъ Галилея.—Герцогъ Ришелье и „Тираническая любовь“	17
IV. Паскаль, какъ физикъ и экспериментаторъ.—„Эфирная матерія“ Декарта и его мнѣніе о барометрическихъ опытахъ.—Опыты Паскаля и Перье.—Трактаты Паскаля о равновѣсіи жидкостей и о давленіи воздуха	21
V. Первое обращеніе Паскаля.—Паскаль въ роли инквизитора и свѣтскаго человѣка.—Смерть отца.—Молитва о болѣзняхъ	28
VI. Свѣтскія знакомства Паскаля.—Кавалеръ де-Мере, герцогъ Роанезъ и дѣвица Роанезъ.—Романъ Паскаля.—Открытіе Паскалемъ и Ферматомъ теоріи вѣроятностей	34
VII. Второе обращеніе Паскаля.—Его „завѣщаніе“. — Былъ-ли Паскаль сумасшедшимъ? — Янсенисты.—Портъ-Рояль.—Вліяніе Жакелины на брата	45
VIII. Очеркъ исторіи янсенизма.—„Письма къ провинціалу“	52
IX. Чудо святого тернія.—„Мысли“ Паскаля.—Зубная боль, какъ стимулъ къ научному открытію.—Последніе годы жизни Паскаля.—Судьба дѣвицы Роанезъ.—Благотворительность Паскаля.—Последняя болѣзнь и смерть	58
X. Философія Паскаля	61

ИСТОЧНИКИ.

Лучшія изданія сочиненій Паскаля: Bossut и Charpentier. Изъ старинныхъ авторовъ писали о Паскалѣ: Лейбницъ (во многихъ мелкихъ сочиненіяхъ и письмахъ), Кондорсе (Eloge de Pascal), Вольтеръ (Remarques sur les Pensées de Pascal), Шатобрианъ (Génie du Christianisme, III) и мн. др.

Cousin. Des Pensées de Pascal. 1843.

» Jacqueline Pascal . . 1845.

Demoulin. Eloge de Pascal . . 1842.

Faugère. Eloge de Pascal . . 1842.

Vinet. Etudes sur Pascal . . 1844—47.

Maynard, abbé. Pascal 1850. 2 col.

Sainte Beuve. Port Royal. Весьма важное сочиненіе, характеризующее не только Паскаля, но всю его эпоху.

Havet. Etudes sur les Pensées de Pascal. 1852

Nourrisson. Pascal physicien et philosophe. 1888.

Нѣмецкія и англійскія сочиненія о Паскалѣ представляютъ мало самостоятельнаго, а въ русской литературѣ Паскалю не посвящено ни одного сколько-нибудь важнаго изслѣдованія или даже обширной журнальной статьи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О жизни и философіи Паскаля было высказано много противорѣчивыхъ мнѣній; и до сихъ поръ еще трудно указать хотя бы одно изслѣдованіе о Паскалѣ, не имѣющее характера либо защитительной рѣчи, либо обвинительнаго акта. Даже въ самое новѣйшее время французскій академикъ Нурисонъ счелъ необходимымъ написать пространную «защиту Паскаля» (Defense de Pascal) и ломать изъ за него копья съ писателями XVIII вѣка. Это не помѣшало тому же Нурисону умалить значеніе научныхъ открытій Паскаля, приписавъ одно изъ нихъ внушенію Декарта.

Что касается насъ, то мы не задаемся цѣлью ни обвинять, ни защищать. Паскаль былъ сынъ XVII столѣтія и раздѣлялъ недостатки своего времени. Если Ньютонъ, жившій позднѣе Паскаля, могъ писать примѣчанія на Апокалипсисъ, лишенная всякаго даже литературнаго значенія, то и Паскалю можно было бы не вѣнчать въ вину даже подобныхъ богословскихъ упражненій. Но надо обладать слишкомъ большою смѣлостью, чтобы не признать за Паскалемъ совершенно опредѣленнаго и весьма почетнаго мѣста въ исторіи философіи и въ исторіи развитія христіанства. ✓ Одной борьбы Паскаля съ іезуитами достаточно для обезпеченія за нимъ благодарности потомства. Какъ философъ, Паскаль представляетъ въ высшей степени своеобразное соединеніе скептика и пессимиста съ искренно вѣрующимъ мистикомъ; отголоски его философіи можно встрѣтить даже тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидаешь. Многія изъ блестящихъ мыслей Паскаля повторяются, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, не только Лейбницемъ, Руссо, Шопенгауеромъ, Львомъ Толстымъ, но даже такимъ повидимому противоположнымъ Паскалю мыслителемъ, каковъ Вольтеръ. Такъ напр., извѣстное положеніе Вольтера, гласящее, что въ жизни человѣчества малые поводы часто влекутъ за собою огромныя послѣдствія, навѣяно чтеніемъ «Мыслей» Паскаля. Паскаль говоритъ напр., что всѣ результаты политической дѣятельности Кромвеля погибли отъ того, что въ его мочевоѣ пузырь попала песчинка, повлекшая за собою каменную болѣзнь.

Вольтеръ въ свою очередь заявляетъ, что всѣ крайнія революціонныя дѣйствія Кромвеля были вызваны состояніемъ его пищеваренія. Подобныхъ, далеко не случайныхъ, сопоставленій между Паскалемъ и Вольтеромъ можно было бы привести десятки. Весьма многіе аргументы Вольтера противъ іезуитовъ взяты имъ у Паскаля, и можно даже сказать, что Вольтеръ относится далеко снисходительнѣе къ «достопочтеннымъ отцамъ», чѣмъ Паскаль.

Иезуиты предавали Паскаля анаѳемѣ; нѣкій отецъ Гардуенъ произвелъ его даже въ атеисты. Янсенисты сдѣлали изъ него своего святого; философы XVIII вѣка провозгласили Паскаля полупомѣшаннымъ: тѣ и другіе не издавали, а искажали его сочиненія, причѣмъ янсенисты вычеркивали все, что имъ казалось не благочестивымъ, а Кондорсе и другіе писатели прошлаго столѣтія старались выбросить все слишкомъ благочестивое.

Въ одномъ сходились почти всѣ, писавшіе о Паскалѣ: всѣ удивлялись разнообразію, силѣ и чрезвычайно раннему развитію его генія. Кондорсе, насмѣхаясь надъ исповѣдью Паскаля, которую онъ первый прозвалъ «амулетомъ», написалъ однако похвальную рѣчь научнымъ его открытіямъ. Вольтеръ счелъ необходимымъ переиздать «Мысли» Паскаля, снабдивъ ихъ, въ видѣ противоядія, своими примѣчаніями. Сужденія Вольтера о Паскалѣ, впрочемъ на столько любопытны, что не мѣшаетъ привести ихъ хотя въ извлеченіи. Посмѣявшись самымъ жестокимъ образомъ надъ оптимизмомъ въ своемъ «Кандидѣ», гдѣ досталось Лейбницу, Вольтеръ съ такимъ же остроуміемъ обрушился на пессимизмъ Паскаля, сказавъ объ этомъ философѣ:

Ce pieux misanthrope, Héraclite sublime,
Qui pense qu'ici bas tout est misère et crime *).

«Мнѣ вѣжется, писалъ Вольтеръ въ своихъ примѣчаніяхъ къ «Мыслямъ» Паскаля, что общій духъ произведеній Паскаля это — показать человѣка въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ; онъ съ ожесточеніемъ рисуетъ насъ всѣхъ злыми и несчастными; онъ лишетъ противъ человѣческой природы почти такъ же, какъ писалъ противъ іезуитовъ. Онъ приписываетъ сущности нашей природы то, что принадлежитъ лишь извѣстнымъ людямъ, и самымъ краснорѣчивымъ образомъ поноситъ человѣчскій родъ. Я осмѣливаюсь принять сторону человѣческаго рода противъ этого возвышеннаго человѣко-ненавистника; я смѣю утверждать, что мы вовсе не такъ злы и не такъ несчастны, какъ полагаютъ».

Въ другомъ мѣстѣ, Вольтеръ пытается не только опровергнуть Паскаля, но и объяснить причины его пессимизма. «Мысли»

*) Этотъ благочестивый человѣконенавистникъ, возвышенный Гераклитъ, думающій, что въ этомъ мірѣ все — одно только несчастіе и преступленіе.

Паскаля, говорить Вольтеръ, принадлежать не философу, а энтузіасту. «Если бы книга, задуманная Паскалемъ, была построена изъ такихъ матеріаловъ, это было бы чудовищное зданіе, сооруженное на пескѣ. Но онъ не могъ соорудить его, не только по недостатку знаній, но и потому, что въ послѣдніе годы его недолгой жизни мозгъ его разстроился». Ссылаясь на показанія Лейбница и другихъ писателей, Вольтеръ пытается доказать, что Паскаль въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ своей жизни былъ полуномѣшаннымъ, причеиъ замѣчаетъ: «Эта болѣзнь нисколько не болѣе унижтельна, чѣмъ горячка или мигрень. Если великій Паскаль былъ пораженъ ею, то вѣдь это Самсонъ, потерявшій свои силы. Изъ всѣхъ этихъ вѣчныхъ диспутантовъ одинъ Паскаль остается, потому что онъ одинъ былъ челоиѣкъ, гениальнаго ума. Онъ одинъ стоитъ на развалинахъ своего вѣка».

Этотъ взглядъ на Паскаля, подкрѣпленный блестящими изреченіями Вольтера и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, былъ, впродолженіи долгаго времени, господствующимъ. Онъ всецѣло отразился въ замѣчательномъ для своего времени изслѣдованіи, написанномъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія врачомъ Лелю *): авторъ этой работы весьма искусно сопоставилъ всѣ извѣстные въ его время факты, такъ или иначе свидѣтельствующіе о ненормальности душевнаго состоянія Паскаля. Къ тому же взгляду отчасти склоняется и французскій философъ Кузенъ, весьма часто порицающій мнѣнія Паскаля, но оправдывающій ихъ болѣзнью этого великаго челоиѣка.

Совершенно противоположный взглядъ развивается во Франціи цѣлымъ рядомъ писателей, начиная съ яansenистскихъ богослововъ и кончая Сентъ-Беномъ и академикомъ Нурисономъ. Для нихъ нравственно-философское ученіе Паскаля является чистѣйшимъ выраженіемъ христіанства, и охотно допуская какіе угодно промахи Паскаля въ личной жизни или даже въ области науки, они не дозволяютъ ни малѣйшаго посягательства на Паскаля, какъ автора «Мыслей», являющихся программой задуманной имъ апологіи христіанства.

*) De l'Amulette de Pascal, étude sur le rapport de la santé de ce grand homme à son génie, par le docteur Lélut. 1846.

Всѣ эти защитительныя и обвинительныя рѣчи имѣли свое значеніе въ XVII и въ XVIII вѣкѣ, но давно пришла пора отнести къ жизни и дѣятельности Паскаля съ полной объективностью; а при такомъ безпристрастномъ взглядѣ нельзя не увидѣть, что какъ адвокаты, такъ и прокуроры его впадали въ явныя преувеличенія.

Что касается болѣзни Паскаля то, во-первыхъ, никакъ нельзя считать эту болѣзнь помѣшательствомъ. Въ XVIII вѣкѣ—и еще болѣе теперь, въ концѣ XIX—слишкомъ часто смѣшивали и смѣшиваютъ всякаго рода экстазы съ сумасшествіемъ; были попытки даже провести полную аналогію и установить тѣсную связь между всякаго рода гениальностью и помѣшательствомъ. Паскаль былъ постоянно боленъ, но помѣшаннымъ его нельзя назвать ни въ одинъ періодъ его жизни, даже тогда, когда онъ находился подъ вліяніемъ сильнѣйшаго религіознаго экстаза. Сверхъ того, болѣзни Паскаля во многихъ случаяхъ были никакъ не причиною, а слѣдствіемъ его чрезмѣрной и въ этомъ смыслѣ ненормальной умственной дѣятельности. Человѣкъ, обладавшій такою поразительною силою воли, какую мы увидимъ у Паскаля, никакъ не могъ подчиняться вліянію дурного пищеваренія въ такой степени, чтобы этому вліянію можно было приписать все направленіе его философіи. Одно несомнѣнно, это тотъ фактъ, что постоянная болѣзнь, затруднивъ научныя работы Паскаля, направила его умъ слишкомъ исключительно къ другой области, и только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что болѣзнь Паскаля сдѣлала его изъ физика мистикомъ. Это вліяніе болѣзни признавалъ онъ и самъ, на что не разъ указывалъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Но отвергая слишкомъ одностороннія сужденія философовъ XVIII вѣка, еще труднѣе принять точку зрѣнія тѣхъ писателей, для которыхъ Паскаль является недосыгаемымъ нравственнымъ авторитетомъ и которые готовы забыть о его истинныхъ заслугахъ, лишь бы признать въ немъ великаго религіознаго проповѣдника. Это обратная и пожалуй еще менѣе основательная крайность.

Дѣтство Паскаля.—Раннее развитіе.—Что въ XVII вѣкѣ считалось «чудомъ».—Смерть матери.—Вліяніе отца.—Изобрѣтеніе 12-лѣтнимъ Паскалемъ геометріи.

Блезъ Паскаль, сынъ Этьенна Паскаля и Антуанеты, урожденной Бегонъ, родился въ Клермонѣ, 19 іюня 1623 года.

Вся семья Паскалей отличалась выдающимися способностями. Отецъ Паскаля былъ человѣкъ высокообразованный, зналъ языки, исторію, литературу и былъ хорошимъ математикомъ; старшая сестра Блеза, Жильберта, была одною изъ ученѣйшихъ женщинъ своего времени и занималась подъ руководствомъ отца математикой и латынью; ей же принадлежитъ самая полная современная біографія ея знаменитаго брата. Младшая сестра Паскаля, Жакелина, отличалась поэтическимъ и сценическимъ талантомъ. Что касается самого Паскаля, онъ съ ранняго дѣтства обнаруживалъ признаки необыкновеннаго умственнаго развитія.

Любопытный фактъ, относящійся къ младенческимъ годамъ Паскаля, сообщается въ краткой біографической замѣткѣ, составленной племянницей Паскаля, дочерью его старшей сестры, также унаслѣдовавшей литературныя склонности семьи.

Когда Паскалю исполнился годъ, съ нимъ, по словамъ его племянницы, приключилось «нѣчто необыкновенное». Мать Паскаля была женщина очень молодая, но тѣмъ не менѣе весьма серьезная. Она была «очень набожна и весьма щедра къ бѣднымъ» — черты, которыя мы впоследствии встрѣтимъ у самого Паскаля. Въ Клермонѣ жила между прочимъ одна бѣдная женщина, которую всѣ считали вѣдьмой; но мать Паскаля не была суевѣрна, смѣялась надъ бабьими сплетнями и продолжала подавать этой женщинѣ милостыню. Однажды съ маленькимъ Паскалемъ приключилось странное нервное расстройство, вродѣ припадковъ падучей болѣзни. Болѣзнь эта, сама по себѣ, была въ то время весьма распространена между дѣтьми и получила даже особое названіе (въ Парижѣ ее называли *tomber en chartre*), но у Паскаля нервные припадки сопровождались особаго рода водобоязнью: одинъ видъ воды причинялъ ему конвульсіи. Сверхъ того у маленькаго Паскаля было замѣчено слѣдующее: годовалый ребенокъ ревновалъ мать къ отцу. Онъ

очень любилъ, когда отецъ или мать ласкали его порознь; но стоило отцу приласкать при немъ мать или даже подойти къ ней, ребенокъ начиналъ кричать, съ нимъ дѣлались судороги и онъ впадалъ въ совершенное изнеможеніе.

Всѣ знакомые и пріатели Паскалей были твердо увѣрены, что ребенокъ околдованъ и что его сглазила вѣдьма. Родители Паскаля сначала смѣялись надъ этимъ мнѣніемъ, но болѣзнь ребенка ухудшалась, и наконецъ сомнѣнія отца Паскаля поколебались. Чтобы убѣдиться окончательно въ виновности или невинности вѣдьмы, Этьеннъ Паскаль призвалъ женщину въ свой кабинетъ и сталъ ее допрашивать. Женщина приняла видъ угнетенной невинности. Тогда отецъ Паскаля перемѣнилъ тонъ.

— Я знаю, что ты околдовала моего ребенка, сказалъ онъ, и если ты сейчасъ-же не сознаешься въ винѣ, я доведу тебя до висѣлицы.

Тогда мнимая колдунья бросилась на колѣни и стала каяться такъ чистосердечно, что наконецъ самъ Этьеннъ Паскаль повѣрилъ ей; а хитрой женщинѣ только этого и было надо. Она рассказала, что будто бы желала околдовать ребенка въ отместку за то, что Паскаль, занимавшій должность по финансовому вѣдомству, отказался отъ ходатайства по ея тяжбному дѣлу, которое оказалось неправымъ.

— Чтобы отомстить вамъ, сказала женщина, я наговорила на вашего ребенка смерть.

Испуганный не на шутку отецъ воскликнулъ:

— Какъ! Неужели мой ребенокъ долженъ умереть!

— Есть только одно средство, сказала женщина: надо, чтобы кто-нибудь другой умеръ за него.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Этьеннъ Паскаль, я не хочу, чтобы кто либо другой пострадалъ за меня или даже за моего ребенка.

— Не тревожьтесь, возразила старуха: я могу перенести его жребій на какое либо животное.

Этьеннъ Паскаль предложилъ лошадь, но женщина удовольствовалась кошкой, которую заговорила самымъ первобытнымъ способомъ, а именно, выбросила изъ окна и разбила ей голову. Затѣмъ она приложила ребенку какую-то припарку къ животу. Когда отецъ Паскаля возвратился домой со службы, онъ засталъ всѣхъ домашнихъ въ слезахъ, а ребенокъ лежалъ, какъ мертвый. Отецъ выбѣжалъ изъ комнаты и, встрѣтивъ на лѣстницѣ мнимую вѣдьму, далъ ей такую пощечину, что женщина скатилась со всѣхъ ступенекъ.

Нисколько не смутившись, она встала и сказала, что ребенокъ живъ и «отойдетъ» до полуночи. Дѣйствительно, маленькій Паскаль «отошелъ», но когда отецъ приблизился, въ видѣ оныта, къ матери, ребенокъ опять сталъ метаться и кричать, и только черезъ нѣсколько недѣль эта странная ревность прошла. Тѣмъ не менѣе всѣ увѣровали въ чудесную силу вѣдьмы.

Маленькій Паскаль потерялъ мать, когда ему было всего три года, и эта утрата во многихъ отношеніяхъ опредѣлила его судьбу. Паскаль былъ единственнымъ сыномъ у своего отца, и это, въ связи съ удивительными способностями ребенка, побудило отца много заниматься его умственнымъ воспитаніемъ; но, за отсутствіемъ матери, физическій уходъ за ребенкомъ былъ плохъ, и еще въ дѣтствѣ Паскаль не отличался крѣпкимъ здоровьемъ.

Паскаль никогда не посѣщалъ никакой школы и не имѣлъ другого учителя, кромѣ своего отца.

Въ 1631 году, когда маленькому Паскалю было восемь лѣтъ, его отецъ переселился со всѣми дѣтьми въ Парижъ, продавъ, по тогдашнему обычаю, свою должность и вложивъ значительную часть своего небольшого капитала въ Отель де Вилль.

Имѣя много досуга, отецъ почти исключительно занялся умственнымъ воспитаніемъ сына.

Сестра Паскаля увѣряетъ, что отецъ всячески старался умѣрить пылъ ея брата къ занятіямъ. Отчасти это справедливо—но только по отношенію къ самымъ раннимъ отроческимъ годамъ Паскаля.

Въ тѣ времена нерѣдко обучали латыни восьмилѣтнихъ дѣтей, но отецъ Паскаля рѣшилъ начать съ нимъ латынь, когда мальчику исполнится 12 лѣтъ, а тѣмъ временемъ преподавалъ ему общія правила грамматики и, насколько можно судить по немногимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, преподавалъ гораздо толковѣе, чѣмъ тогдашніе школьные учителя.

Маленькій Паскаль отличался замѣчательной понятливостью и любознательностью. Отецъ часто рассказывалъ ему вещи, могущія поразить воображеніе ребенка, но маленький Паскаль тотчасъ доискивался объясненія и никогда не довольствовался плохимъ или неполнымъ отвѣтомъ. У него была замѣчательная способность отличать истину отъ лжи. Если Паскаль сознавалъ неправильность объясненія, онъ старался придумать свое собственное. Однажды за обѣдомъ одинъ изъ гостей ударилъ ножомъ по фаянсовой тарелкѣ, причемъ раздался про-

тяжный музыкальный звукъ, но какъ только на тарелку положили руку, звукъ оборвался. Паскаль удивился и потребовалъ объясненія. Не получивъ его, онъ самъ сталъ дѣлать опыты и составилъ о нихъ замѣтки, придавъ имъ громкое названіе «трактата о звукахъ». Въ то время Паскалю было 12 лѣтъ. Еще раньше того произошло событіе, обнаружившее изумительныя математическія способности Паскаля.

Отецъ Паскаля самъ много занимался математикой и любилъ собирать у себя въ домѣ математиковъ. Но, составивъ планъ занятій сына, отецъ отложилъ математику до тѣхъ поръ, пока сынъ не усовершенствуется въ латыни. Зная любознательность сына, отецъ тщательно пряталъ отъ него всѣ математическія сочиненія и при немъ никогда не велъ съ друзьями математическихъ бесѣдъ. Когда мальчикъ просилъ учить его математикѣ, отецъ обѣщалъ это, въ видѣ награды въ будущемъ. Юный Паскаль просилъ отца объяснить, по крайней мѣрѣ, что за наука геометрія? «Геометрія, отвѣтилъ отецъ, есть наука, дающая средство правильно чертить фигуры и находить отношенія, существующія между этими фигурами».

Двѣнадцатилѣтній мальчикъ задумался надъ этимъ опредѣленіемъ. Эти размышленія овладѣли имъ до такой степени, что въ часы отдыха, находясь въ залѣ, гдѣ онъ обыкновенно игралъ, Паскаль сталъ заниматься черченіемъ фигуръ, даже не зная ихъ настоящихъ названій. Онъ рисовалъ углемъ прямыя линіи, называя ихъ «палками», чертилъ круги, стараясь сдѣлать ихъ, по возможности, правильными и называлъ ихъ «кольцами»; затѣмъ сталъ доискиваться, какія пропорціи существуютъ между фигурами и частями фигуръ. Ища доказательствъ, найденныхъ имъ, путемъ измѣренія, свойствъ, Паскаль составлялъ свои теоремы и аксіомы и мало по малу дошелъ до тридцати второй теоремы первой книги Эвклида, гласящей, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ угламъ.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Паскаль оканчивалъ доказательство этой теоремы, въ комнату вошелъ отецъ, ничего не подозрѣвавшій о занятіяхъ сына. Сынъ, въ свою очередь, былъ такъ погруженъ въ свои размышленія, что долго не замѣчалъ присутствія отца. Трудно сказать, кто изъ двухъ былъ болѣе ошеломленъ—сынъ-ли, застигнутый врасплохъ надъ недозволеннымъ занятіемъ, или отецъ, увидѣвшій нарисованныя сы-

номъ фигуры. Но изумленію отца не было предѣловъ, когда сынъ сознался, что старается доказать основное свойство треугольника.

— Какимъ образомъ ты додумался до этого? спросилъ наконецъ отецъ.

— А вотъ какъ: я нашелъ сначала вотъ что—и сынъ привелъ теорему, касающуюся свойствъ вѣшняго угла треугольника. А это я узналъ вотъ какъ—и послѣдовалъ рядъ доказательствъ.— Идя такимъ путемъ и говоря напр., что «двѣ вмѣстѣ взятые палки въ фигурѣ изъ трехъ палокъ длиннѣе третьей палки», юный Паскаль объяснилъ отцу всѣ открытыя имъ свойства «палокъ иголецъ» и наконецъ дошелъ до своихъ опредѣленій и аксіомъ.

Отецъ Паскаля былъ не только удивленъ, но испуганъ силою этого дѣтскаго ума. Не отвѣтивъ сыну ни слова, онъ вышелъ изъ комнаты и отправился къ своему пріятелю Ле-Пальеру, человѣку ученому и расположенному къ его семьѣ. Видя крайнее волненіе отца Паскаля, замѣтивъ у него даже слезы на глазахъ, Ле-Пальеръ испугался и просилъ сказать скорѣе, что случилось?

— Я плачу не отъ огорченія, но отъ радости, сказалъ Этьеннъ Паскаль.—Вы знаете, какъ тщательно скрывалъ я отъ моего сына книги по математикѣ, чтобы не отвлечь его отъ другихъ занятій, но посмотрите, что онъ сдѣлалъ.

И счастливый отецъ повелъ къ себѣ Ле-Пальера. Тотъ былъ изумленъ не менѣе самого отца и сказалъ:

— По моему мнѣнію, нельзя долѣе держать этотъ умъ взаперти и скрывать отъ него эту науку. Надо сейчасъ дать ему книги.

Отецъ Паскаля далъ сыну Евклидовы «Начала», позволивъ читать ихъ въ часы отдыха. Мальчикъ прочелъ Евклидову геометрію самъ, ни разу не попросивъ объясненія. Не довольствуясь прочитаннымъ, онъ дополнял и сочинялъ. Можно поэтому сказать безъ всякаго преувеличенія, что Паскаль вторично изобрѣлъ геометрію древнихъ, созданную цѣлыми поколѣніями египетскихъ и греческихъ ученыхъ. Это фактъ безпримѣрный даже въ біографіяхъ величайшихъ математиковъ.— Клеро на 18 году жизни писалъ замѣчательные трактаты, но онъ имѣлъ хорошую подготовку, да и 18 лѣтъ не то, что 12. Способности одного изъ величайшихъ математиковъ всѣхъ временъ—Ньютона—развились сравнительно поздно. Изъ всѣхъ великихъ ученыхъ, Паскаль болѣе кого-бы то ни было имѣть право на титулъ преждевременно развивагося и столь же преждевременно погибшаго гения.

II.

Первыя научныя работы.—Начало французской Академіи наукъ.—Арифметическая машина.

Собранія, происходившія у отца Паскаля и у нѣкоторыхъ изъ его пріятелей, какъ напр. Мерсення, Робервала, Каркави, и друг., приняла характеръ правильныхъ ученыхъ засѣданій. Разъ въ недѣлю математики, примыкавшіе къ кружку Этьенна Паскаля, собирались съ цѣлью читать сочиненія членовъ кружка, предлагать разные вопросы и задачи. Иногда читались также присланныя заграничными учеными записки. Это скромное частное общество или, скорѣе, пріятельскій кружокъ былъ началомъ будущей славной парижской Академіи. Въ 1666 году, уже по смерти обоихъ Паскалей, французское правительство официально признало существованіе общества, успѣвшаго пріобрѣсть прочную репутацію во всемъ ученомъ мірѣ.

Съ шестнадцати-лѣтняго возраста молодой Паскаль также сталъ принимать дѣятельное участіе въ занятіяхъ кружка. Онъ былъ уже настолько силенъ въ математикѣ, что овладѣлъ почти всѣми извѣстными въ то время методами, и въ числѣ членовъ наиболѣе часто доставлявшихъ новыя сообщенія, онъ былъ однимъ изъ первыхъ. Не только его отецъ, но и гордый, завистливый математикъ Роберваль (изобрѣтатель извѣстныхъ вѣсовъ) и другіе члены кружка удивлялись способностямъ юноши. Очень силенъ былъ Паскаль въ дѣлѣ критики чужихъ произведеній. Очень часто изъ Италіи и Германіи присылались задачи и теоремы, и если въ присланномъ была какая либо ошибка, Паскаль одинъ изъ первыхъ замѣчалъ ее.

Шестнадцати лѣтъ Паскаль написалъ весьма замѣчательный трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ (т. е. о кривыхъ линіяхъ, получающихся при пересѣченіи конуса плоскостью — таковы эллипсъ, парабола и гипербола). Отъ этого трактата, къ сожалѣнію, уцѣлѣлъ лишь отрывокъ. Родственники и пріатели Паскаля утверждали, что «со временъ Архимеда въ области геометріи не было сдѣлано подобнаго усилія человѣческаго ума» — отзывъ преувеличенный, но вызванный удивленіемъ къ необычайной молодости автора. Нѣкоторыя открытія Паскалемъ теоремы дѣйствительно весьма замѣчательны. Паскалю совѣтовали тогда же напечатать это сочиненіе, но онъ откладывалъ, быть можетъ потому, что хо-

тѣмъ создать нѣчто болѣе замѣчательное. Сестра его увѣряетъ, что братъ поступилъ такъ изъ скромности, хотя это довольно сомнительно, потому что излишняя скромность явилась у Паскаля лишь въ концѣ его жизни.

Гордясь необыкновенными способностями сына, отецъ Паскаля почти не вмѣшивался въ его математическія работы, въ которыхъ сынъ вскорѣ опередилъ отца; но отецъ продолжалъ заниматься съ Паскалемъ древними языками, логикой и физикой, которая въ то время считалась не столько опытной наукою, сколько частью философіи.

Усиленные занятія вскорѣ подорвали и безъ того слабое здоровье Паскаля. Въ восемнадцать лѣтъ онъ уже постоянно жаловался на головную боль, на что первоначально не обращали особаго вниманія. Но окончательно разстроилось здоровье Паскаля во время чрезвычайныхъ работъ надъ изобрѣтенной имъ ариѳметической машиной.

Восемнадцати лѣтъ Паскаль сдѣлалъ одно изъ остроумнѣйшихъ механическихъ изобрѣтеній, весьма важное и любопытное съ теоретической точки зрѣнія, хотя и не оправдавшее въѣхъ надеждъ юнаго изобрѣтателя. Увѣряютъ, что поводомъ къ этому изобрѣтенію было назначеніе его отца въ Руанъ на должность, требовавшую обширныхъ счетныхъ занятій: желая облегчить трудъ отца, Паскаль и придумалъ свою счетную машину. Машина эта замѣчательна особенно въ томъ отношеніи, что изобрѣтеніемъ ея Паскаль доказалъ возможность замѣны не только физическаго, но и умственнаго труда чисто механическими приспособленіями. Это изобрѣтеніе укрѣпило въ Паскалѣ мысль, внушенную ему ученіемъ Декарта, объ автоматизмѣ животныхъ, мысль, состоящую въ томъ, что нашъ умъ дѣйствуетъ автоматически и что нѣкоторые сложнѣйшіе умственные процессы по существу дѣла не отличаются отъ процессовъ механическихъ. Теорія «рефлексовъ головного мозга» была такимъ образомъ извѣстна отчасти еще въ XVII столѣтіи.

Придуманная Паскалемъ машина была довольно сложна по устройству, и вычисленіе съ ея помощью требовало значительнаго навыка. Этимъ и объясняется, почему она осталась механической диковинкой, возбуждавшей удивленіе современниковъ, но не вошедшей въ практическое употребленіе.

Идея изобрѣтенія весьма проста, но практическое выполненіе ея оказалось чрезвычайно труднымъ.

Самъ молодой изобрѣтатель потратилъ на осуществленіе своей идеи много труда и денегъ. Особенно въ то время, при слабыхъ

развитіи техники и прикладной механики, трудно было найти рабочихъ, способныхъ понять и выполнить мысль Паскаля.

Паскаль работалъ три года надъ усовершенствованіемъ своей машины, отъ которой ждалъ чудеса. Онъ перепробовалъ болѣе пятидесяти различныхъ моделей. Окончательная модель до сихъ поръ хранится въ Парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ: она имѣетъ видъ латуннаго ящика, длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина. Известный математикъ Бине, видѣвшій эту модель и подробно ее изучившій, отзывается о ней такъ: «Мысль Паскаля, особенно для того времени, слѣдуетъ назвать необычайно смѣлою, такъ какъ онъ задался цѣлью замѣнить посредствомъ чисто механическихъ приспособленій дѣятельность нашего соображенія и памяти. Но практическій вопросъ все еще остается открытымъ. Медленность хода механизма, придуманнаго Паскалемъ, очевидна».

Впослѣдствіи явился цѣлый рядъ механиковъ и математиковъ, старавшихся усовершенствовать изобрѣтеніе Паскаля. Самъ Паскаль говоритъ, что одинъ часовщикъ, не имѣвшій никакого понятія о математикѣ, вздумалъ украсть у него идею изобрѣтенія и построилъ механизмъ, очень красивый по внѣшности, но совсѣмъ негодный къ употребленію. Впослѣдствіи надъ усовершенствованіемъ машины Паскаля много работалъ знаменитый Лейбницъ. Въ новѣйшее время англійскій механикъ Баббеджъ изобрѣлъ механизмъ, посредствомъ котораго человекъ, не знающій ни математики, ни астрономіи, можетъ простымъ поворачиваніемъ колесъ вычислять солнечныя затмѣнія. Въ концѣ концовъ и эта машина оказывается лишь усовершенствованіемъ машины Паскаля.

Какъ вредно отразилась работа надъ этимъ изобрѣтеніемъ на состояніи организма Паскаля, видно изъ его собственныхъ словъ, что съ восемнадцатилѣтняго возраста онъ не помнилъ ни одного дня, когда-бы могъ сказать, что былъ вполне здоровъ.

Желая предупредить невѣжественныя поддѣлки своей машины, Паскаль выхлопоталъ королевскую привилегію, которая была дана ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Арифметическая машина Паскаля чрезвычайно удивляла его современниковъ, въ чемъ можно убѣдиться между прочимъ изъ одного современнаго стихотворнаго описанія, гдѣ сказано, что множество дамъ и мужчинъ высшаго круга стекались въ Люксамбургскій дворецъ, чтобы посмотреть на это удивительное изобрѣтеніе «французскаго Архимеда».

III.

Паскаль и Декартъ.—Отношеніе Паскаля къ ученикамъ Галлея. — Герцогъ Ришелье и «Тираническая любовь».

Со времени изобрѣтенія Паскалемъ арифметической машины, имя его стало извѣстнымъ не только во Франціи, но и за ея предѣлами. Хотя сестра Паскаля и увѣряетъ въ біографіи своего брата, что онъ въ восемнадцать лѣтъ нисколько не жаждалъ славы, но это утвержденіе находится въ противорѣчій съ дѣйствіями самого Паскаля, который старался оповѣстить о своемъ изобрѣтеніи вездѣ, гдѣ могъ, и напр. написалъ объ этомъ письмо извѣстной шведской королевѣ Христинѣ, эксцентричной дочери Густава Адольфа, занимавшейся науками, пригласившей къ себѣ Декарта и возбуждавшей восторги современниковъ своею молодостью и красотою еще болѣе, чѣмъ ученостью.

Имя Паскаля не могло оставаться неизвѣстнымъ также и Декарту, тѣмъ болѣе, что многіе изъ членовъ кружка, въ которомъ состояли оба Паскаля, отецъ и сынъ,—многіе изъ ближайшихъ друзей Паскаля-отца были отъявленными противниками Декарта. Въ особенности враждовалъ съ Декартомъ Роберваль, плохой философъ, но искусный математикъ и не менѣе искусный спорщикъ. Можно даже сказать, что молодой Паскаль послужилъ невольнымъ виновникомъ усиленія разлада, и безъ того существовавшаго между Декартомъ и учредителями будущей французской академіи.

Еще до изобрѣтенія Паскалемъ арифметической машины, когда шестнадцатилѣтній Паскаль написалъ трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ, Декарту объ этомъ было сообщено, какъ объ особомъ чудѣ. Декартъ, никогда ничему не удивлявшійся, съ трудомъ могъ скрыть свое изумленіе, не хотѣлъ вѣрить и пожелалъ лично ознакомиться съ трактатомъ Паскаля. Когда ему былъ доставленъ списокъ, Декартъ, прочитавъ нѣсколько страницъ, сказалъ: «Я такъ и думалъ, этотъ юноша учился у Дезъ-Арга; у него есть способности, но отсюда еще далеко до тѣхъ чудесъ, которыя о немъ рассказываютъ».

Необходимо замѣтить, что въ сохранившемся отрывкѣ изъ

трактата Паскаля, юный авторъ самъ упоминаетъ о лионскомъ математикѣ Дезъ-Аргѣ, замѣчая, что многимъ обязанъ его сочиненіямъ. Тѣмъ не менѣе, отзывъ Декарта о юношескихъ работахъ Паскаля грѣшитъ излишнею суровостью. Декартъ не могъ не видѣть, что Паскаль не ограничился подражаніемъ Дезъ-Аргу, но открылъ много въ высшей степени замѣчательныхъ теоремъ, изъ которыхъ одна, названная имъ «мистическимъ шестиугольникомъ», составляетъ весьма крупное приобрѣтеніе науки. Пристрастный отзывъ Декарта, перваго философа того времени, вѣроятно весьма чувствительно задѣлъ юнаго математика; еще болѣе были раздражены пріятели отца Паскаля, и Роберваль съ тѣхъ поръ не упускалъ ни одного случая насолить, гдѣ могъ, Декарту.

Борьба между школою Декарта, или такъ называемыми картезіанцами, и учредителями французской академіи, группировавшимися подлѣ Паскаля, открылась по всей линіи, когда двадцатилѣтній Паскаль предпринялъ рядъ физическихъ опытовъ, имѣвшихъ цѣлью продолжить изслѣдованія Торричелли и другихъ учениковъ Галилея.

Прежде чѣмъ перейти къ этой эпохѣ въ жизни Паскаля, необходимо рассказать эпизодъ, характеризующій нравы того времени и имѣвшій значительное вліяніе на судьбу всей семьи Паскалей.

Еще въ декабрѣ 1638 года тогдашнее французское правительство, разоренное войнами и казноградствомъ, придумало довольно простой способъ увеличенія своихъ средствъ, а именно урѣзало ренты, получавшіяся съ капиталовъ, вложенныхъ въ Отель де-Вилль. Въ числѣ получавшихъ ренту былъ отецъ Паскаля. Владѣльцы рентъ стали громко роптать и составляли сходки, на которыхъ открыто порицали правительство. Отецъ Паскаля считался однимъ изъ вожаковъ этого движенія, что весьма правдоподобно, такъ какъ онъ вложилъ въ Отель де-Вилль почти все свое состояніе. Такъ или иначе, но всемогущій кардиналъ Ришелье, не любившій ни малѣйшаго противорѣчія, отдалъ приказъ арестовать Этьена Паскаля и посадить его въ Бастилію. Паскаль-отецъ, заблаговременно предупрежденный однимъ вѣрнымъ другомъ, сначала прятался въ Парижѣ, а затѣмъ тайно бѣжалъ въ Овернь. Его знаменитому сыну было въ то время лишь 15 лѣтъ. Можно себѣ представить отчаяніе дѣтей!

Но неожиданно дѣло приняло новый оборотъ. Кардиналу Ришелье вдругъ пришла фантазія приказать, чтобы въ его присутствіи была разыграна молодежьскими дѣвушками трагикомическая пьеса Сюдери «Тираническая любовь». Руководство этимъ спектаклемъ было поручено герцогинѣ Эгійонъ, знавшей семейство Паскалей и давно замѣтившей сценическія способности младшей сестры Паскаля, Жакелины, въ то время 13-лѣтней дѣвочки.

Въ отсутствіе отца главою семьи была старшая сестра Паскаля, Жильберта. На вопросъ герцогини, дозволить-ли она младшей сестрѣ принять участіе въ спектакль, восемнадцатилѣтняя дѣвушка дала гордый отвѣтъ: «кардиналь, сказала она, не доставилъ намъ столько удовольствія, чтобы мы могли въ свою очередь думать о доставленіи ему развлеченій».

Герцогиня настаивала и наконецъ, видя упорство молодой дѣвушки, съ горячностью сказала:

— Поймите, что исполненіе моей просьбы, быть можетъ, послужитъ къ возвращенію вашего отца.

Жильберта однако объявила, что дастъ отвѣтъ не прежде, чѣмъ посоветуется съ близкими друзьями отца. На собранномъ ею совѣщаніи было рѣшено, что сестра ея Жакелина приметъ назначенную ей роль.

Пьеса «Тираническая любовь» была разыграна въ присутствіи кардинала Ришелье 3 апрѣля 1639 года. Жакелина играла свою роль съ замѣчательной граціей, очаровавшей всѣхъ зрителей и болѣе всего самого кардинала. Умная дѣвушка сумѣла воспользоваться своимъ успѣхомъ. По окончаніи спектакля она неожиданно подошла къ кардиналу и продекламировала написанный ею стихотворный эпилогъ, въ которомъ было сказано: «Не изумляйтесь, несравненный Арманъ, что я такъ плохо удовлетворила вашему слуху и зрѣнію. Моя душа находится подъ вліяніемъ мучительной тревоги. Чтобы сдѣлать меня способной нравиться вамъ, возвратите изъ изгнанія моего несчастнаго отца; спасите невиннаго! Этимъ вы возвратите свободу моему духу и тѣлу, голосу и тѣлодвиженіямъ».

Измученный и въ конецъ очарованный кардиналь Ришелье поднялъ дѣвочку и, когда она еще говорила свои стихи, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее, а затѣмъ сказалъ:

— Да, дитя мое, я сдѣлаю для васъ все, чего вы хотите. Напишите вашему отцу, чтобы онъ преспокойно возвратился домой.

Тутъ подошла и герцогиня Эгйонъ, которая стала хвалить старшаго Паскаля, говоря:

— Это замѣчательно честный и ученый человѣкъ. Жаль, что его знаніе и трудолюбіе остаются безъ примѣненія. А вотъ— продолжала герцогиня, указывая на Блэза Паскаля, —его сынъ: ему только 16 лѣтъ, а онъ уже великій математикъ.

Между тѣмъ Жакеллина, ободренная своимъ успѣхомъ, опять обратилась къ кардиналу.

— Прошу еще одной вашей милости, сказала она.

— Что такое, дитя мое? Тебѣ я ни въ чемъ не могу отказать, ты слишкомъ мила.

— Позвольте моему отцу явиться къ вамъ лично благодарить за вашу доброту.

— Да, непременно пусть придетъ, только со всеѣмъ вами.

Тотчасъ объ этомъ даютъ знать Этьенну Паскалю. Онъ мчится на курьерскихъ, приѣзжаетъ въ Парижъ и немедленно, взявъ всеѣхъ дѣтей, представляется кардиналу. Ришелье принимаетъ его наилюбезнѣйшимъ образомъ.

— Я знаю ваши достоинства и заслуги, говорилъ кардиналъ. — Возвратитесь къ вашимъ дѣтямъ: я вамъ поручаю ихъ. Я хочу сдѣлать изъ нихъ что нибудь выдающееся.

Два года спустя (1641) Этьеннъ Паскаль получилъ должность интенданта въ Руанѣ, въ то время постъ весьма выгодный для неразборчивыхъ людей; но Этьенъ Паскаль былъ человѣкъ честный и, занимая эту должность втеченіе семи лѣтъ, онъ не успѣлъ скопить состоянія.

Переселеніе въ Руанъ, какъ уже было замѣчено, побудило Паскаля къ изобрѣтенію его арифметической машины. Здѣсь-же, въ Руанѣ, онъ предпринялъ свои физическіе опыты.

IV.

Паскаль, какъ физикъ и экспериментаторъ. — «Эфирная матерія» Декарта и его мнѣніе о барометрическихъ опытахъ. — Опыты Паскаля и Перье. — Трактаты Паскаля о равновѣсіи жидкостей и о давленіи воздуха.

Въ началѣ XVII вѣка физическія знанія находились еще въ довольно хаотическомъ состояніи, и прогрессъ, сдѣланный со времени Аристотеля и Архимеда, былъ весьма незначителенъ.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ то время заблужденій, господствовавшихъ и въ ученомъ мірѣ, и среди публики, было ученіе о такъ называемой «боязни пустоты». Утвержденіе, будто природа боится пустоты, часто встрѣчается у древнихъ писателей. Что касается величайшаго изъ греческихъ философовъ и естествоиспытателей, Аристотеля, онъ понималъ «боязнь пустоты» совсѣмъ въ особомъ смыслѣ, почти такъ, какъ понимали ее позднѣе Декартъ и его послѣдователи. Но мнѣнію Аристотеля, абсолютно пустого пространства вовсе не существуетъ, и въ этомъ-то смыслѣ онъ говорилъ, что природа боится пустоты. Позднѣе, комментаторы Аристотеля поняли дѣло иначе и вообразили, что природа обладаетъ непреодолимымъ стремленіемъ заполнить всякую образующуюся пустоту: такимъ образомъ, физическія явленія пытались объяснить свойствами, присущими лишь чувствующимъ и мыслящимъ существамъ, вродѣ способности ощущать боязнь или испытывать стремленіе.

Въ пользу этого ученія повидимому говорили многіе общезвѣстные въ то время факты, вродѣ поднятія воды въ насосѣ, дѣйствія кровососныхъ банокъ и т. п. Было замѣчено, что жидкія и воздухообразныя вещества быстро наполняютъ пустое пространство, какъ только могутъ въ него проникнуть. При этомъ воображали, что «боязнь пустоты» совершенно неограниченна. Были твердо убѣждены въ томъ, что если напр. сдѣлать насосъ или трубку въ пятьсотъ футовъ или какой угодно высоты и вытянуть изъ нея воздухъ, то вода, въ которую опущена эта трубка, поднимется на какую угодно высоту «даже до облаговъ». Увѣряли, что присосавшуюся банку можно, хотя и съ усиліемъ, оторвать лишь по той причинѣ, что въ ней есть немного воздуха, а если-бы воздуха вовсе не было, то «никакія человѣческія силы и даже силы ан-

тела не были бы достаточны для этого». Однимъ словомъ, представленія относительно «боязни пустоты» были въ высшей степени сбивчивы и неопредѣленны.

Въ такомъ положеніи находилось ученіе о пустотѣ въ эпоху Галилея; но одно случайное происшествіе заставило физиковъ глубже проникнуть въ суть дѣла. Еще при жизни Галилея, рабочіе, устранившіе фонтаны въ саду флорентинскаго великаго герцога Козьмы Медичи, старались поднять воду при помощи насоса и съ изумленіемъ увидѣли, что вода поднимается лишь до высоты 34 футовъ и не идетъ далѣе, не смотря на то, что надъ нею есть еще пустое пространство. Галилей былъ придворнымъ математикомъ герцога, и къ нему обратился за объясненіемъ. Галилей отвѣтилъ, что природа конечно боится пустоты, но эта боязнь, повидимому, не простирается выше 34 футовъ. Такой полусерьезный отвѣтъ, разумѣется, не могъ удовлетворить самого Галилея и онъ настоятельно совѣтывалъ своимъ ученикамъ предпринять опыты, съ цѣлью изслѣдованія этого вопроса.

Почти въ то-же время Декартъ создавалъ свою физическую теорію, въ которой рѣшительно отвергъ самое существованіе пустоты, а слѣдовательно и ученіе о боязни пустоты. Еще въ 1631 году Декартъ въ одномъ изъ своихъ писемъ почти угадываетъ истину, замѣчая что «столбъ ртути можетъ быть удержанъ какъ разъ такую силою, какая необходима для того, чтобы поднять столбъ воздуха, простирающійся отъ этого столба ртути до предѣловъ атмосферы». Въмѣсто того, чтобы остановиться на этой простой мысли и развить ее опытами и разсужденіями, Декартъ вскорѣ погрузился въ тонкости своей «тончайшей матеріи»—нѣчто вродѣ эфира новѣйшихъ физиковъ—и этимъ запуталъ свое собственное, болѣе простое объясненіе. Въ позднѣйшихъ письмахъ и сочиненіяхъ, Декартъ заботится уже не столько о вѣсѣ и давленіи воздуха, сколько о томъ, чтобы противопоставить пустотѣ (*le vide*) «полноту» (*le plein*). Онъ уже совсѣмъ пренебрежительно отзывается о Галилеѣ и его ученикахъ и, разсуждая о явленіяхъ, зависящихъ отъ вѣса воздуха, объясняетъ ихъ какимъ-то круговоротомъ матеріи, происходящимъ отъ того, что въ природѣ «вовсе нѣтъ пустого пространства».

Между тѣмъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ Галилея, Торричелли, исполнилъ желаніе своего учителя и въ 1643 г. предпринялъ опыты надъ подъемомъ различныхъ жидкостей въ трубкахъ и насосахъ. Онъ сравнилъ движеніе воды въ насосѣ

съ поднятіемъ ртути въ барометрической трубкѣ и убѣдился, что ртуть, будучи приблизительно въ 14 разъ плотнѣе воды, поднимается на высоту въ 14 разъ меньшую, чѣмъ вода. Отсюда Торричелли вывелъ, что причиною подъема какъ воды, такъ и ртути, является вѣсъ столба воздуха, давящаго на открытую поверхность жидкости. Такимъ образомъ былъ изобрѣтенъ барометръ и явилось очевидное доказательство вѣсомости воздуха—свойства, извѣстнаго еще Галилею, который однако, какъ и Декартъ, не сумѣлъ примѣнить этого свойства къ полному объясненію разсматриваемыхъ явленій. Торричелли сдѣлалъ значительный шагъ впередъ, но и его объясненіе было не полно. Не достаточно знать, что высота ртути въ барометръ опредѣляется вѣсомъ давящаго на ртуть столба воздуха: необходимо выяснить, какимъ образомъ передается давленіе воздуха и чѣмъ оно отличается напр. отъ давленія твердыхъ тѣлъ. Всего непонятнѣе казалось, какимъ образомъ давленіе воздуха можетъ передаваться, безъ всякой потери, не только внизъ, но и вверхъ.

Паскаль узналъ объ опытахъ Торричелли отъ Мерсення. Послѣдній еще въ 1644 году получалъ письмо изъ Италіи съ извѣщеніемъ о результатѣ этихъ опытовъ и пытался повторить ихъ, но неудачно. Въ 1645 г. Мерсеннь самъ поѣхалъ въ Италію и, ознакомившись съ дѣломъ на мѣстѣ, сообщилъ подробности Паскалю. Паскаль въ то время находился съ отцомъ въ Руанѣ. Крайне заинтересовавшись сообщеніями Мерсення, онъ, въ свою очередь, предпринялъ рядъ опытовъ.

Въ то время Паскаль еще признавалъ «боязнь пустоты», но онъ считалъ ее не какимъ-то неограниченнымъ стремленіемъ заполнить пустое пространство, а силою, поддающеюся измѣненію и стало-быть ограниченной. Вотъ что пишетъ самъ Паскаль о своихъ первыхъ опытахъ:

«Я узналъ объ опытахъ, сообщенныхъ Мерсеннемъ и возбужденныхъ изумленіе всѣхъ ученыхъ и любознательныхъ людей, отъ г. Пети, интенданта руанской крѣпости, человѣка весьма начитаннаго и слышавшаго объ этихъ опытахъ отъ самого Мерсення. Названный Пети и я, мы повторили эти опыты (т. е. опыты Торричелли) въ Руанѣ и нашли какъ разъ то самое, что было найдено въ Италіи, не замѣтивъ ничего новаго. Съ тѣхъ поръ, размышляя по этому вопросу, я утвердился въ мнѣніи, которое всегда раздѣлялъ, а именно, что пустота не есть что либо невозможное и что природа вовсе не испытываетъ пустоты съ такою боязнью, какъ это многіе воображаютъ».

Общій ходъ мыслей, приведшій Паскаля къ его замѣчательнымъ открытіямъ въ области физики, сводится къ слѣдующему. Опыты Торричелли, сообщенные ему Мерсеннемъ, убѣдили Паскаля во-первыхъ въ томъ, что есть возможность получить пустоту, если не абсолютную, то по крайней мѣрѣ такую, въ которой нѣтъ ни воздуха, ни паровъ воды. Въ «тончайшую матерію» Декарта онъ не вѣрилъ, а явленія подъема воды въ насосъ и ртути въ трубкѣ сначала приписывалъ «ограниченной боязни пустоты», т. е., какъ онъ поясняетъ, «сопротивленію, оказываемому тѣлами ихъ взаимному раздѣленію». Это сопротивленіе Паскаль считалъ одинаковымъ для всѣхъ тѣлъ и равнымъ «той силѣ, съ которою вода, поднятая на тридцать четыре фута, стремится течь внизъ». Убѣдившись въ недостаточности этого объясненія, и отлично зная, что воздухъ имѣетъ вѣсъ—это говорилъ уже Галилей—Паскаль напалъ на мысль объяснить явленія, наблюдаемыя въ насосахъ и въ трубкахъ, дѣйствіемъ этого вѣса. Главная трудность однако состояла въ томъ, чтобы объяснить способъ *передачи* давленія воздуха—этого не сдѣлалъ даже Торричелли, а менѣе всего Декартъ, воображавшій, что все объясняется непрерывностью матеріи, отсутствіемъ пустоты и «круговоротомъ» веществъ. Что касается Паскаля, то, разъ напавъ на мысль о вліяніи вѣса воздуха, онъ рассуждалъ такъ: если давленіе воздуха дѣйствительно служитъ причиной разсматриваемыхъ явленій, то изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ меньше или ниже, при прочихъ равныхъ условіяхъ, столбъ воздуха, давящій на ртуть, тѣмъ ниже будетъ столбъ ртути въ барометрической трубкѣ. Стало быть, если мы поднимемся на высокую гору, барометръ долженъ опуститься, такъ какъ мы стали ближе прежняго къ крайнимъ слоямъ атмосферы, и находящійся надъ нами столбъ воздуха уменьшился.

Паскалю тотчасъ-же пришла мысль провѣрить это положеніе опытомъ, и онъ вспомнилъ о находящейся подлѣ Клермона горѣ Пюи де-Домъ. 15 ноября 1647 года Паскаль сообщилъ проектъ этихъ опытовъ мужу своей старшей сестры, Перье, бывшему въ то время въ Муленѣ. По различнымъ обстоятельствамъ, Перье могъ произвести эти опыты лишь 19 сентября 1648 г. и выполнилъ порученіе Паскаля съ возможною тщательностью. Явленія, предсказанныя Паскалемъ, оправдались на опытѣ събуквальной точностью.

По мѣрѣ подъема на Пюи де-Домъ ртуть понижалась въ трубкѣ—и такъ значительно, что разница на вершинѣ горы и

у ея подошвы составила болѣе трехъ дюймовъ. Эти наблюденія были провѣрены на обратномъ пути. Изучая подробныя численныя данныя, присланныя ему Перье, Паскаль замѣтилъ, что разница на 20 саж. при подъемѣ на гору соответствуетъ разницѣ на двѣ линіи въ высотѣ столба ртути. Эти цифры показали Паскалю, что опытъ можетъ быть повторенъ, не выѣзжая изъ города и, находясь тогда въ Парижѣ, Паскаль тотчасъ произвелъ опыты на верху и внизу башни св. Іакова, а затѣмъ въ одномъ частномъ домѣ, имѣвшемъ 10 саж. высоты. Вездѣ получались результаты, совершенно согласныя съ числами Перье. Эти опыты окончателно убѣдили Паскаля въ томъ, что явленія подъема жидкостей въ насосахъ и трубкахъ обусловлены вѣсомъ воздуха. Оставалось объяснить способъ передачи давленія воздуха. Паскаль, знавшій объ опытахъ Архимеда надъ жидкостями, напалъ на простую, но гениальную мысль сравнить давленіе воздуха съ давленіемъ, существующимъ внутри жидкостей. Архимедъ доказалъ, что всякое твердое тѣло, частью или цѣлкомъ погруженное въ жидкость, теряетъ въ своемъ вѣсѣ и что эта потеря какъ разъ равна вѣсу вытѣсненной тѣломъ жидкости. Голландскій ученый Стевинъ пошелъ еще дальше и высказалъ, что давленіе жидкости на дно сосуда зависитъ лишь отъ высоты жидкости, т. е. высоты ея уровня надъ дномъ сосуда, не завися нисколько отъ формы сосуда. Наконецъ Паскаль не только выяснилъ вполнѣ истину, высказанную Стевиномъ, но и показалъ, что давленіе жидкости распространяется во всѣ стороны равномерно и что изъ этого свойства жидкостей вытекаютъ почти всѣ остальные ихъ механическія свойства; затѣмъ, Паскаль показалъ, что и давленіе воздуха, по способу своего распространенія, совершенно подобно давленію воды.

Паскаль собирався написать обширный трактатъ о равновѣсіи жидкостей, но успѣлъ составить лишь краткое изслѣдованіе, да и оно было напечатано только послѣ его смерти.

Въ научныхъ работахъ Паскаля есть огромныя достоинства, выгодно отличающія его сочиненія отъ трудовъ большинства его современниковъ. Изложеніе Паскаля отличается необыкновенною ясностью и общедоступностью. Его трактатъ о равновѣсіи жидкостей можетъ быть прочитанъ людьми, знающими лишь ариметику. Вотъ какъ напр. поясняетъ Паскаль теорію гидравлическаго пресса: предположимъ, что у насъ есть сосудъ, закрытый со всѣхъ сторонъ, исключая двухъ отверстій, изъ

которыхъ одно во сто разъ больше другого. Если мы приладимъ къ каждому отверстию по поршню, такъ чтобы эти поршни входили плотно, то одинъ человѣкъ, движущій маленькій поршень, если сосудъ наполненъ водою, уравниваетъ силу ста человѣкъ, движущихъ большой поршень; если же къ послѣднему приставить только 99 человѣкъ, то одинъ человѣкъ, налегающій на малый поршень, справится со всѣми 99. Изъ этого видно, говоритъ Паскаль, что сосудъ, наполненный водою или иною жидкостью, представляетъ собою новый родъ машины, могущей умножить силу во столько разъ, во сколько намъ угодно: стоитъ только уменьшать размѣры одного отверстия и расширять другое, прилаживая въ то же время соответственные поршни.

Паскаль поясняетъ, что эта новая машина, подобно машинамъ, составленнымъ изъ твердыхъ тѣлъ, не создаетъ силы изъ ничего. Выигрышъ силы здѣсь, какъ и всюду, достигается лишь на счетъ потери въ скорости. Такъ напр. очевидно, по словамъ Паскаля, что человѣкъ, движущій маленькій поршень, долженъ опустить его на одинъ дюймъ для того, чтобы большой поршень прошелъ лишь сотую часть дюйма. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая количество воды, вытѣсненное малымъ поршнемъ, съ объемомъ, который оставляетъ за собою во время движенія большой поршень. Вода почти нежимаема, а потому какъ разъ тотъ объемъ воды, который вытѣсненъ малымъ поршнемъ, долженъ помѣститься въ пространствѣ, только что оставленномъ большимъ поршнемъ. Чтобы оба эти объема были равны между собою, для этого необходимо продвинуть во сто разъ меньшій въ разрѣзѣ поршень на разстоянiе во сто разъ больше.

Паскаль цѣлымъ рядомъ примѣровъ поясняетъ свой главнѣйшій принципъ, состоящій въ томъ, что давленiе жидкостей равномерно распространяется во всѣ стороны, и доказываетъ, что этимъ свойствомъ обуславливается множество другихъ и объясняется много кажущихся парадоксовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда твердые или полужидкiя тѣла оказываютъ равномѣрное давленiе, получаютъ совершенно аналогичныя послѣдствiя. Когда напр. идетъ рѣчь о томъ, почему человѣкъ или животное, погруженное въ воду, почти не замѣчаютъ давленiя этой воды, Паскаль поясняетъ это слѣдующимъ сравненiемъ. «Положите червяка въ тѣсто и сожмите это тѣсто руками: вы не будете въ состоянiи раздавить червяка, какъ бы вы сильно ни сжимали. Это потому, что червякъ заключенъ въ тѣсто, окружающее его со всѣхъ сторонъ

совершенно равномерно, и давленіе распространяется на поверхность его тѣла равномерно, а потому каждая частица поверхности его тѣла испытываетъ сравнительно ничтожное давленіе. Совершенно то-же происходитъ съ тѣломъ животного, погруженнаго въ воду. Пусть болѣе не утверждаютъ, что давленіе воды не ощущается потому, что вода будто бы не давитъ на самое себя. Она оказываетъ давленіе одинаково во всѣ стороны. Настоящая причина, почему животное, погруженное въ воду, не можетъ быть раздавлено вѣсомъ находящейся надъ нимъ жидкости, состоитъ вовсе не въ томъ, что это давленіе будто-бы зависитъ отъ ничтожнаго вѣса, а въ томъ, что животное окружено со всѣхъ сторонъ жидкостью, распредѣляющей давленіе по всему тѣлу. Вообразимъ себѣ, что весь столбъ жидкости, находящійся надъ животнымъ, внезапно отвердѣлъ, напр. замерзъ, но что при этомъ остался только ничтожный слой жидкости отдѣляющій животное отъ твердой массы. При такихъ условіяхъ животное по прежнему не будетъ испытывать давленія, потому что давленіе твердой массы, сообщаясь ему при посредствѣ слоя воды, по прежнему распредѣлится равномерно».

Совершенно подобнымъ-же образомъ объясняетъ Паскаль явленія, зависящія отъ давленія воздуха. Въ трактатѣ «О вѣсѣ воздуха» Паскаль уже прямо и рѣшительно выступаетъ противъ ученія о боязни пустоты и говоритъ, что всѣ явленія, приписываемыя этой боязни, зависятъ отъ вѣса воздуха и равномернаго распредѣленія давленія. На каждомъ шагѣ Паскаль проводитъ параллель между давленіемъ воздушной массы и давленіемъ жидкостей: такъ напр., говоря о томъ, какъ трудно раздѣлить двѣ сложенные вмѣстѣ полированные пластинки, онъ объясняетъ это явленіе давленіемъ воздуха на внѣшнія поверхности пластинокъ и говоритъ: «совершенно подобное явленіе можно воспроизвести при погруженіи сложенныхъ между собою пластинокъ въ воду». Явленія въ насосѣ Паскаль сопоставляетъ съ различіемъ уровней двухъ неодинаково плотныхъ жидкостей въ сообщающихся сосудахъ.

По тѣмъ открытіямъ, которыя были сдѣланы Паскалемъ относительно равновѣсія жидкостей и газовъ, слѣдовало ожидать, что изъ него выйдетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ экспериментаторовъ всѣхъ временъ. Но еще до производства знаменитыхъ опытовъ на горѣ Пюи де-Домъ въ жизни Паскаля произошло событіе, оказавшее весьма неблагоприятное вліяніе на его умственную дѣятельность.

Первое обращеніе Паскаля.—Паскаль въ роли пиявизитора и свѣтскаго чело-
вѣка.—Смерть отца.—Молитва о болѣзняхъ.

Еще со времени изобрѣтенія имъ ариѳметической машины Паскаль постоянно хворалъ и жаловался на усталость и головную боль. Послѣ переселенія въ Руанъ онъ сначала какъ будто оправился, но въ 1646 г. съ отцомъ его произошелъ случай, сильно потрясшій нервную систему Паскаля. Старшій Паскаль во время поѣздки несчастливо упалъ и былъ на-волосъ отъ смерти. Этотъ случай, въ связи съ его прежнимъ умственнымъ состояніемъ, такъ повліялъ на молодого Паскаля, что съ этихъ поръ въ немъ стали замѣчать нѣкоторую перемѣну, выразившуюся прежде всего въ необычайной религіозности. Самъ Паскаль называлъ происшедшій въ немъ внутренній переворотъ своимъ «первымъ обращеніемъ». Ниже будетъ выяснено, что причины этого «обращенія» довольно сложны.

Паскаль съ дѣтства былъ довольно религіозенъ, но никогда до тѣхъ поръ не обнаруживалъ особаго рвенія въ дѣлахъ вѣры. Теперь онъ сталъ усердно читать священное писаніе и бого-словскія сочпенія и, не довольствуясь собственнымъ «обраще-ніемъ», старался «обратить» всѣхъ своихъ домашнихъ, не исключая отца. Старшая сестра его, Жильберта, по счастью успѣла выйти замужъ за того самого Перье, который помогалъ Паскалю въ его опытахъ; но младшая Жакеллиа, красивая, изящная дѣвушка, подававшая блестящія надежды, писавшая стихотворенія, которыя заслужили похвалы Корнеля, вскорѣ подчинилась вліянію брата, стала думать объ отреченіи отъ міра и наконецъ ушла въ монастырь. Даже отецъ Паскаля подчинился вліянію сына и хотя и раньше не былъ атеистомъ, теперь сталъ особенно тщательно выполнять обряды и посѣщать церковь. Такимъ на-строеніемъ всей семьи Паскалей воспользовались многія духовныя лица. Въ то-же время съ Паскалями сблизились многіе вожаки такъ называемаго *янсенистскаго* движенія.

Молодой Паскаль до того увлекся своими религіозными упражненіями, что на первыхъ же порахъ обнаружилъ всѣ качества, характеризующія прозелитовъ. Въ одномъ случаѣ онъ

даже не остановился передъ формальнымъ доносомъ на человѣка, казавшагося ему опаснымъ въ религіозномъ отношеніи. Сестра Паскаля Жильберта рассказываетъ объ этомъ событіи самымъ наивѣйшимъ образомъ: «Въ Руанѣ въ то время находился одинъ человѣкъ (Жакъ Фортона), преподававшій новую философію, которая привлекала многихъ любопытныхъ. Въ числѣ его слушателей были братъ мой и двое дружившихъ съ нимъ молодыхъ людей. Съ перваго-же раза они замѣтили, что этотъ человѣкъ выводилъ изъ своей философіи слѣдствія, противорѣчащія ученію церкви. Такъ напр. онъ путемъ своихъ умозаключеній доказывалъ, что плоть Иисуса будто-бы не образовалась изъ крови святой Дѣвы, но изъ нѣкотораго другого вещества, нарочно съ этой цѣлью созданнаго, и многія другія подобныя вещи. Ему возражали, но онъ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи. Обсудивъ между собою опасность, грозившую юношеству отъ свободнаго преподаванія этимъ человѣкомъ такихъ ошибочныхъ мнѣній, мой братъ и его друзья сначала рѣшились предостеречь его, но въ случаѣ, если онъ останется при своемъ мнѣніи, приняли рѣшеніе сдѣлать на него доносъ. Такъ и случилось, потому что онъ пренебрегъ ихъ совѣтомъ. Тогда они сочли своимъ долгомъ донести на этого человѣка викарному руанскому епископу Беллэ, который послалъ отъ себя допросить Фортону, но, допросивъ его, былъ обманутъ дву-смысленнымъ исповѣданіемъ вѣры, имъ изложеннымъ и подписаннымъ. Сверхъ того, Беллэ не придавалъ особаго значенія въ такомъ важномъ дѣлѣ показаніямъ трехъ молодыхъ людей. Но они, оставшись недовольными, тотчасъ отправились къ самому руанскому архіепископу, который, разобравъ дѣло, нашелъ его столь важнымъ, что написалъ положительный приказъ, чтобы Беллэ принудилъ этого человѣка отречься отъ всѣхъ пунктовъ, по которымъ онъ былъ обвиняемъ.

Винновныи былъ призванъ въ архіепископскій совѣтъ и дѣйствительно отрекся отъ всѣхъ своихъ мнѣній. Можно сказать, поясняетъ сестра Паскаля, что онъ сдѣлалъ это вполне искренне, потому что у него потомъ не сохранилось ни капли желчи противъ донесшихъ на него: такимъ образомъ все дѣло окончилось полюбовно».

Нѣкоторые біографы Паскаля пытались обѣлить его поступокъ. Но даже Нурриссонъ, весьма снисходительный къ Паскалю въ подобныхъ случаяхъ, замѣчаетъ, что «низкій поступокъ

остається низкимъ, хотя бы его совершилъ даже святой». Паскаля оправдываютъ тѣмъ, что онъ искренно вѣрилъ въ гибельность новаго ученія, но въ такомъ случаѣ онъ могъ публично опровергать его, вмѣсто того чтобы бѣгать съ доносами. Единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ является то болѣзненно-восторженное настроеніе, въ которомъ находился Паскаль послѣ своего перваго обращенія.

По словамъ его сестры, Паскаль еще съ ранней юности «отличался отвращеніемъ къ тогдашнему модному вольнодумству». Наука и религія составляли для Паскаля двѣ совершенно различныя области. Насколько онъ былъ пытливъ въ вопросахъ, касавшихся математики и физики, настолько же умѣлъ ограничивать свою любознательность въ дѣлахъ вѣры. Паскаль часто повторялъ, что такимъ разграниченіемъ вопросовъ знанія и вѣры онъ обязанъ отцу, который съ дѣтства твердилъ ему, что все, что есть предметъ вѣры, не можетъ подлежать вѣднію разума. «Эти правила, нишетъ сестра Паскаля, часто повторяемыя отцомъ, къ которому братъ мой питалъ огромное уваженіе и, въ которомъ видѣлъ соединеніе обширныхъ научныхъ познаній съ пронизательнымъ и сильнымъ умомъ, произвели на брата такое сильное впечатлѣніе что, слыша рѣчи вольнодумцевъ, онъ нимало не смущался ими. Когда братъ былъ еще совсѣмъ молодъ, онъ смотрѣлъ на вольнодумцевъ, какъ на людей, исходящихъ изъ того ложнаго принципа, что человѣчскій разумъ выше всего существующаго, вслѣдствіе чего имъ и не понятна сущность вѣры... Въ дѣлахъ религіи братъ былъ покоренъ, какъ ребенокъ... Онъ никогда не занимался тонкими богословскими вопросами, но употребилъ всю силу своего ума на то, чтобы познать и примѣнить къ дѣлу христіанскую нравственность».

Таково сужденіе сестры Паскаля, кое въ чемъ вѣрное, но конечно не объясняющее того противрѣчія, которое составляетъ особенность большей части религіозныхъ экстазовъ, подобныхъ тѣмъ, какому подвергся Паскаль. Какимъ образомъ человѣкъ, проникнутый началами любви къ ближнему, могъ дойти до того, что выступилъ въ роли, достойной инквизитора?

Это становится понятнымъ, если вспомнимъ, что настоящіе инквизиторы, вроде Торквемады, совмѣщали въ себѣ суровыя добродѣтели съ самою звѣрскою жестокостью.

Хотя въ концѣ своей жизни отецъ Паскаля отчасти подчинился вліянію сына, но по всему видно, что его вліяніе на молодого Паскаля было умѣряющимъ и отрезвляющимъ. Состояніе здоровья сына нерѣдко внушало отцу серьезныя опасенія и съ помощью друзей дома онъ не разъ убѣждалъ молодого Паскаля развлечься, отказаться отъ исключительно научныхъ занятій и умѣрить духъ излишней святости, «распространившійся, по словамъ его сестры, на весь домъ».

Наконецъ наступила временная реакція, и молодость взяла свое. До какого нервнаго разстройства доводили иногда Паскаля его благочестивыя упражненія, видно изъ слѣдующаго разсказа его племянницы: «Мой дядя, пишетъ она, жилъ въ великомъ благочестіи, которое сообщилъ всему семейству. Однажды онъ впалъ въ необыкновенное состояніе, бывшее послѣдствіемъ чрезвычайныхъ занятій науками. Мозгъ его былъ такъ утомленъ, что съ моимъ дядею приключился родъ паралича. Параличь этотъ распространился отъ пояса до самаго низа, такъ что одно время дядя могъ ходить не иначе, какъ на костыляхъ. Его руки и ноги стали холодны, какъ мраморъ, и каждый день приходилось надѣвать ему носки, смоченные водкой, чтобы сколько нибудь согрѣть ноги».

Врачи, видя его въ такомъ состояніи, запретили ему всякаго рода занятія; но этотъ живой и дѣятельный умъ не могъ оставаться празднымъ. Не будучи болѣе занятъ ни науками, ни дѣлами благочестія, онъ началъ искать удовольствій, и наконецъ сталъ вести свѣтскую жизнь, играть и развлекаться. Первоначально все это было умѣренно; но постепенно онъ вошелъ во вкусъ и сталъ жить, какъ всѣ свѣтскіе люди».

Къ величайшему сожалѣнію, объ этой интересной эпохѣ жизни Паскаля сохранились лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Его первые біографы—сестра и племянница—всячески старались набросить покровъ на событія этого времени. Позднѣе враги Паскаля очевидно преувеличили дѣло, увѣряя напр., что онъ превратился въ страстнаго игрока и мота, а ѣздилъ не иначе, какъ въ каретѣ шестерней. Эта карета, по всей вѣроятности, принадлежала вовсе не Паскалю, а его новому другу, герцогу Роаннезу, который повсюду возилъ съ собою Паскаля.

Эта непродолжительная реакція оказалась не совсѣмъ безплодною: Паскаль успѣлъ окончить свои опыты по гидростатикѣ,

изобрѣлъ свой знаменитый «арифметическій треугольникъ» и положилъ основаніе теоріи вѣроятностей.

Весьма крупную утрату понесъ Паскаль со смертью своего отца, послѣдовавшею въ 1651 году. Самъ Паскаль говоритъ, что еслибы эта смерть произошла шестью годами раньше, т. е. во время его «перваго обращенія», онъ былъ-бы погибшимъ человѣкомъ.

По случаю смерти отца Паскаль написалъ старшей сестрѣ и ея мужу письмо, за которое его часто упрекали въ безсердечіи. Упрекъ этотъ едва-ли основателенъ. Лишь при поверхностномъ чтеніи письмо Паскаля можетъ показаться резонерскимъ и холоднымъ; въ дѣйствительности-же оно есть родъ исповѣди или покаянія.

Свѣтскія развлечения, которыя позволялъ себѣ Паскаль, нерѣдко казались ему преступными, и въ тяжелыя минуты, вродѣ тѣхъ, которыя доставила ему смерть отца, онъ опять становился необычайно религіознымъ и упрекалъ себя за перемѣну образа жизни. Если письмо Паскаля смахиваетъ на проповѣдь или на пастырское посланіе, то свои поученія онъ обращаетъ не столько къ сестрѣ, сколько къ самому себѣ. Въ письмѣ чувствуется не только утѣшеніе сестрѣ, но и крикъ измученной души. «Не будемъ скорбѣть, пишетъ Паскаль, какъ язычники, у которыхъ нѣтъ надежды. Мы не потеряли отца въ моментъ его смерти; мы потеряли его съ той минуты, когда онъ сталъ членомъ церкви: съ той минуты онъ уже принадлежалъ не намъ, а божеству. Не будемъ болѣе смотрѣть на смерть какъ язычники, но какъ христіане, т. е. съ надеждою. Не будемъ смотрѣть на тѣло, какъ на вмѣстилище всего сквернаго, но какъ на неразрушимый и вѣчный храмъ. Природа часто искушаетъ насъ, наша похоть часто жаждетъ удовлетворенія, но грѣхъ еще не совершенъ, если разумъ отказывается грѣшнить».

При такомъ душевномъ настроеніи не удивительно, что Паскаль нерѣдко думалъ и о своей собственной смерти. Частыя болѣзни невольно наводили его на эту мысль. Еще до смерти отца. Паскаль написалъ въ духѣ первыхъ христіанъ молитву «о хорошемъ употребленіи болѣзней». Въ этой молитвѣ онъ говоритъ: «Хотя въ своей прошлой жизни я не знаю великихъ преступленій, которыхъ я не имѣлъ случая совершить, жизнь моя была позорна своей полнѣйшей праздностью и бесполезностью всѣхъ моихъ дѣйствій и мыслей. Вся эта жизнь была сплош-

ной потерей времени». Въ своемъ самобичеваніи Паскаль доходитъ до того, что считаетъ для себя физическія страданія совершенно заслуженными и смотритъ на нихъ какъ на спасительное наказаніе. «Сознаюсь, говоритъ онъ, что было время, когда я считалъ здоровье благомъ». Теперь онъ молитъ божество лишь о томъ, чтобы могъ страдать, какъ христіанинъ. «Я не молю объ избавленіи отъ страданій—это награда святыхъ»—съ трогательною наивною замѣчаетъ Паскаль.

Насколько твердъ былъ Паскаль въ перенесеніи физическихъ мукъ, объ этомъ сохранилось свидѣтельство его сестры:

«Между прочими его болѣзненными припадками былъ и тотъ, что онъ не могъ проглотить никакой жидкости, пока она не была достаточно нагрѣта, и глотать онъ могъ не иначе, какъ по каплямъ, но такъ какъ при этомъ онъ страдалъ невыносимую головную болью, чрезмѣрнымъ жаромъ во внутренностяхъ и многими другими болѣзнями, то врачи приказали ему втеченіе трехъ мѣсяцевъ принимать черезъ день слабительное. Такимъ образомъ ему приходилось принимать всѣ эти микстуры, для чего надо было ихъ нагрѣвать и глотать капля по каплѣ. Это было сущее мученье, и всѣмъ его близкимъ становилось тошно, но отъ него никто никогда не слышалъ ни малѣйшей жалобы».

VI.

Свѣтскія знакомства Паскаля. — Кавалеръ де-Мере, герцогъ Роанезъ и дѣвица Роанезъ. — Романъ Паскаля. — Открытіе Паскалемъ и Ферматомъ теоріи вѣроятностей.

Послѣ смерти отца Паскаль, ставъ неограниченнымъ хозяиномъ своего состоянія втеченіе нѣкотораго времени продолжалъ еще жить свѣтскою жизнью, хотя все чаще и чаще у него наступали эпохи раскаянія. Было однако время, когда Паскаль сталъ не равнодушенъ къ женскому обществу: такъ между прочимъ онъ ухаживалъ въ провинціи Пуату за одной весьма образованной и прелестной дѣвнцей, писавшей стихи и получившей прозвище мѣстной Сафо. Еще болѣе серьезныя чувства явились у Паскаля по отношенію къ сестрѣ губернатора провинціи, герцога Роанеза.

Этотъ герцогъ былъ весьма любопытнымъ типомъ того времени, когда на ряду съ самымъ утонченнымъ развратомъ попадались нуританскія добродѣтели. Рапо потерявъ отца, герцогъ воспитывался у дѣда, грубаго провинціального барина, который приставилъ къ внуку гувернера, давъ ему весьма оригинальный приказъ научить молодого герцога «ругаться по-барски, такъ какъ настоящій вельможа долженъ уметь обращаться со своими слугами». Тѣмъ не менѣе изъ юнаго герцога вышло совсѣмъ не то, на что рассчитывалъ его дѣдъ.

Еще въ 1647 году молодой Роанезъ познакомился съ Паскалемъ и такъ полюбилъ его, что не могъ съ нимъ разстаться на долгое время. Герцогъ помѣщалъ Паскаля у себя въ домѣ, постоянно ѣздилъ съ нимъ по своей провинціи и бывалъ крайне огорченъ, когда Паскаль покидалъ его на продолжительное время. Паскаль имѣлъ на герцога огромное вліяніе.

Двадцати пяти лѣтъ этотъ аристократъ, не смотря на всѣ просьбы и даже угрозы родственниковъ, отказался отъ весьма выгоднаго брачнаго союза, потомъ продалъ свою должность, передалъ свой титулъ одному родственнику и обрекъ себя на безбрачіе.

Трудно опредѣлить, когда именно герцогъ Роанезъ познакомилъ Паскаля съ своей сестрой Шарлотой. Паскаль такъ часто бывалъ въ обществѣ герцога, что это знакомство могло завязаться еще до смерти отца Паскаля; во всякомъ случаѣ, Паскаль былъ уже влюбленъ въ Шарлоту Роанезъ въ 1652 году, когда онъ написалъ свою «Рѣчь о любовной страсти». Такъ не могъ писать человѣкъ, знавшій любовь лишь по книгамъ, и эта «Рѣчь» краснорѣчивѣе всякаго признанія. Что касается переписки Паскаля съ Шарлотой, изъ нея нельзя узнать много, потому что сохранившіяся письма относятся къ позднѣйшему періоду, когда Паскаль отгонялъ отъ себя всякую мысль о земной любви.

Въ своихъ «Мысляхъ» (*Pensées*) Паскаль говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Можно сколько угодно скрываться: всякій человѣкъ любитъ». Эти слова могутъ служить наилучшею характеристикой его неудавшагося романа. По всей вѣроятности, Паскаль или вовсе не рѣшился сказать любимой дѣвушкѣ о своихъ чувствахъ, или выразилъ ихъ въ такой скрытой формѣ, что дѣвица Роанезъ въ свою очередь не рѣшилась подать ему ни малѣйшей надежды, хотя если не любила, то высоко цтила Паскаля. Разность общественныхъ положеній, свѣтскіе предразсудки и естественная дѣвическая стыдливость не дали ей возможности обнадежить Паскаля, который мало по малу привыкъ къ мысли, что эта знатная и богатая красавица никогда не будетъ принадлежать ему.

Втянувшись въ свѣтскую жизнь, Паскаль однако никогда не былъ и не могъ быть свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ былъ застѣнчивъ, даже робокъ и въ то же время черезчуръ наивенъ, такъ что многіе его искренніе порывы казались просто мѣщанской невоспитанностью и безтактностью. Въ обществѣ настоящихъ свѣтскихъ людей, окружавшихъ герцога Роанеза и его сестру, Паскаль казался порою просто неловкимъ и смѣшнымъ, а его близость къ герцогу и вліяніе, которымъ Паскаль пользовался на этого вельможу, нажили ему много враговъ. Даже консьержка (привратница) парижскаго дома герцога возненавидѣла Паскаля и такъ притревновала его къ своему барину, что однажды бро-

силась на Паскаля съ кухоннымъ пожомъ, и онъ только чудомъ избѣжалъ смерти. Между свѣтскими людьми, вращавшимися подлѣ герцога, было не мало блестящихъ молодыхъ людей, вродѣ извѣстнаго въ то время франта и хлыща Митона и гораздо болѣе умнаго, но нахальнаго и пренеполненнаго самолюбїемъ кавалера де-Мере. Этотъ послѣдній совершенно случайнымъ образомъ сталъ виновникомъ одного изъ лучшихъ научныхъ открытїй Паскаля, и о немъ стоитъ поговорить уже потому, что нашлись біографы, вообразившіе, будто этотъ кавалеръ имѣлъ огромное вліяніе на Паскаля и чуть-ли не содѣйствовалъ происшедшему въ немъ новому внутреннему перевороту.

Кавалеръ де-Мере былъ въ полномъ смыслѣ типъ блестящаго салоннаго философа, какъ разъ подъ пару тѣмъ ученымъ дамамъ, которыхъ изобразилъ Мольеръ въ своей извѣстной комедїи: «Жеманницы» («Les précieuses ridicules»). Кавалеръ де-Мере былъ именно такимъ précieus. Онъ оставилъ не малое количество сочиненїй, «принесшихъ ему немного чести», какъ выразился одинъ изъ его современниковъ. Весьма образованный для дворянина того времени, знавшїй древнїе языки, умѣвшїй пересыпать свою рѣчь цитатами изъ Гомера, Платона и Плутарха, кавалеръ де-Мере въ своихъ сочиненїяхъ частїю обкрадывалъ древнихъ и новыхъ писателей, частїю изрекалъ генїальные афоризмы, вродѣ того, что «бракъ есть садъ, гдѣ столько-же тернїевъ, сколько цвѣтовъ» — онъ самъ впрочемъ былъ холостъ. Повидимому, онъ считался почти генїемъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ блисталъ фразами, вродѣ слѣдующихъ: «Если любовь рисуютъ совсѣмъ нагою, то конечно съ цѣлью показать, что она доводитъ до рубашки тѣхъ, кто за нею слѣдуетъ». Девизомъ кавалера де-Мере было: «всегда быть честнымъ человѣкомъ», что не мѣшало ему вести отчаянную игру и оставить послѣ своей смерти долги, разорившіе всѣхъ его кредиторовъ.

Этотъ аристократъ, познакомившись у герцога Роанеза съ Паскалемъ, отнесся къ знаменитому математику такъ, какъ вообще относятся свѣтскїе люди къ тѣмъ, кого считаютъ ниже себя по рожденїю и воспитанїю. Самъ Мере описываетъ ихъ первое знакомство въ письмѣ, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ, такъ какъ характеризуетъ положенїе Паскаля въ свѣтскомъ обществѣ.

«Герцогъ Роанезъ, пишетъ кавалеръ де-Мере, имѣеть склонность къ математикѣ. Чтобы не скучать во время путешествія, онъ запасся однимъ пожилымъ человѣкомъ. (Паскаль, по своему болѣзненному виду, казался гораздо старше своихъ лѣтъ, хотя въ ранней юности былъ замѣчательно хорошъ собою). Этотъ господинъ—повѣтствуетъ де Мере—былъ въ то время еще очень мало извѣстенъ, но потомъ о немъ стали говорить. Это былъ сильный математикъ, не знавшій впрочемъ ничего кромѣ математики. Это—наука вовсе не имѣющая значенія въ свѣтѣ. Этотъ человѣкъ, не обладавшій никакимъ вкусомъ и тактомъ, постоянно вмѣшивался въ наши разговоры, причемъ почти всегда удивлялъ насъ и часто заставлялъ смѣяться... Такъ прошло два или три дня. Постепенно онъ становился менѣе увѣренъ въ себѣ, сталъ только слушать и спрашивать и имѣлъ при себѣ записную книжку, куда вносилъ разныя замѣчанія... Мало по малу онъ сталъ говорить гораздо лучше прежняго и самъ обнаруживалъ радость, что такъ измѣнился. Радость его была необычайна и онъ выражалъ ее какимъ-то таинственнымъ образомъ: говорилъ напр., что любилъ всѣ эти вещи, такъ какъ былъ увѣренъ, что другіе не могутъ знать того, что онъ знаетъ. «Наконецъ, сказалъ онъ, я вышелъ изъ этихъ дикихъ мѣстъ, и вижу чистое и ясное небо. Увѣряю васъ, что я не привыкъ къ яркому свѣту, что я былъ ослѣпленъ имъ, а потому сердился на васъ; но теперь я привыкъ; этотъ свѣтъ восхищаетъ меня, и я жалѣю о потерянномъ времени». Послѣ своего путешествія этотъ человѣкъ пересталъ думать о математикѣ, до тѣхъ поръ его занимавшей!»

Основываясь на этомъ разсказѣ, иные біографы утверждаютъ, что Мере перевоспиталъ Паскаля и, отбивъ у него охоту къ математикѣ, заставилъ его заниматься болѣе важными матеріями.

Чтобы оцѣнить по достоинству разсказъ кавалера де-Мере, надо прежде всего знать мнѣніе самого Паскаля объ этомъ свѣтскомъ философѣ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Паскаль бѣгло замѣчаетъ: «надо держать свои мысли взаперти. Буду остерегаться во время путешествій.» Кажется, эта замѣтка прямо относится къ описанной поѣздкѣ. По всей вѣроятности Паскаль имѣлъ неосторожность откровенничать вслухъ о происходившей въ немъ внутренней борьбѣ, а самодовольный кавалеръ вообразилъ, что это онъ повліялъ на Паскаля своими

ролкими насмѣшками надъ математикой! Что Паскаль былъ вовсе не высокаго мнѣнія о геніальности де-Мере, доказываетъ письмомъ Паскаля къ знаменитому математику Фермату. «Кавалеръ де-Мере, пишетъ Паскаль, человекъ очень остроумный, но онъ вовсе не математикъ; это, какъ вы знаете, огромный недостатокъ; онъ даже никакъ не можетъ понять, что математическая линія дѣлима до безконечности и воображаетъ что она состоитъ изъ безконечнаго числа стоящихъ одна подлѣ другой точекъ; никакъ я не могъ разубѣдить его въ этомъ. Если вамъ это удастся, онъ станетъ совершенствомъ.» Последнее замѣчаніе есть очевидная пронія. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли спорить о математикѣ съ человекомъ, который не способенъ понять, что математическая точка не имѣетъ измѣренія и что безконечное число неизмѣняющихъ никакого измѣренія точекъ есть понятіе совершенно неопредѣленное, подобно нулю, взятому слагаемымъ безконечное число разъ.

Переписка кавалера де-Мере съ Паскалемъ свидѣтельствуетъ также не о вліяніи, оказанномъ имъ на великаго человека, но лишь о дерзости и самонадѣянности кавалера де-Мере. Сохранившееся письмо этого «честнаго дворянина» настоящій перлъ въ своемъ родѣ.

«Вы, помнитесь, пишетъ Мере Паскалю, сказали мнѣ, что теперь вы не такъ уже увѣрены въ превосходствѣ математики. Теперь вы мнѣ пишете, что я открылъ вамъ вещи, которыхъ вы никогда не видѣли и не знали безъ меня. Не знаю однако, сударь, такъ ли вы мнѣ обязаны, какъ говорите. У васъ все еще осталась привычка, пріобрѣтенная вами вслѣдствіе занятій этой наукой: вы обо-всемъ судите только съ вашими доказательствами, которые болышею частью ложны. Эти длинныя разсужденія мѣшаютъ вамъ прежде всего пріобрѣсть знанія болѣе высокаго сорта и притомъ такія, которыя никогда не обманываютъ. Предупреждаю васъ, что вы вслѣдствіе этого много теряете въ свѣтъ, потому что тотъ, у кого есть живой умъ и наблюдательность, тотъ сейчасъ замѣчаетъ по выраженію лицъ, которыя видить, множество очень полезныхъ вещей: но если вы по вашему обыкновенію спросите у того, кто умѣетъ пользоваться этого рода наблюденіями, на какомъ принципѣ они основаны, онъ можетъ быть скажетъ вамъ, что самъ не знаетъ. Я только тогда повѣрю, что вы окончательно отдѣлались отъ этой математики, когда вы перестанете утверждать, что малень-

нія тѣла, о которыхъ мы спорили, дѣлимы безъ конца. Но о чемъ вы теперь пишете, еще дальше отъ здраваго смысла, чѣмъ то, что вы говорили въ нашемъ спорѣ. Думаете ли вы, что линія, раздѣленная пополамъ и такъ далѣе, можетъ дѣлиться безъ конца? Кто вамъ сказалъ, что вы можете такъ дѣлить? А если ея части неравны, какъ въ нечетномъ числѣ? Увѣряю васъ, что, какъ только въ какой либо вопросъ впутываютъ безконечность, онъ становится необъяснимъ, потому что умъ смущается и перепутываетъ все. Поэтому лучше искать истину здравымъ смысломъ, чѣмъ вашими доказательствами. Вы знаете, что я открылъ въ математикѣ вещи столь рѣдкія, что самые ученые изъ древнихъ авторовъ о нихъ ничего не говорили, и что лучшіе математики Европы были изумлены. Вы писали о моихъ открытіяхъ, равно какъ господинъ Гугенсъ (Гюйгенсъ), Фермакъ (Ферматъ) и другіе».

О «великихъ открытіяхъ», кавалера де-Мере, послужившихъ основою для работъ ученыхъ, которыхъ де-Мере не умѣлъ вазвать даже по имени, будетъ рѣчь ниже. Не мѣшаетъ принести отзывъ о перепискѣ Мере съ Паскалемъ, принадлежащій великому философу Лейбниццу, такъ какъ это сужденіе философа, бывшаго почти современникомъ Паскаля, прекрасно выясняетъ отношенія кавалера де Мере къ знаменитому математику.

«Я едва удерживался отъ смѣха,—писалъ Лейбницъ,—когда увидѣлъ, въ какомъ тонѣ пишетъ кавалеръ де-Мере Паскалю. Вижу, что кавалеръ понялъ характеръ Паскаля, сообразивъ, что этотъ великій гений имѣлъ свои неровности, дѣлавшія его часто слишкомъ чувствительнымъ къ утрированнымъ спиритуалистическимъ разсужденіямъ, вслѣдствіе чего онъ не разъ временно разочаровывался въ самыхъ солидныхъ знаніяхъ. Де-Мере пользовался этимъ, чтобы говорить съ Паскалемъ сверху внизъ. Кажется онъ подсмѣивается надъ Паскалемъ, какъ дѣлаютъ свѣтскіе люди, обладающіе избыткомъ остроумія и недостаткомъ знаній. Они хотятъ насъ убѣдить, что то, чего они не понимаютъ, есть пустякъ. Надо-бы послать этого кавалера въ школу къ Робервалю. Правда, что у де-Мере были большія способности даже къ математикѣ. Я узналъ впрочемъ, отъ Де-Биллета, друга Паскаля, о знаменитомъ открытіи, которымъ такъ хвастаетъ этотъ кавалеръ. Будучи страстнымъ игрокомъ, онъ впервые придумалъ задачу объ оцѣнкѣ пари. Предложенный

имъ вопросъ породилъ прекрасныя изслѣдованія Фермата, Паскаля и Гюйгенса, въ которыхъ Роберваль не могъ ничего понять... Но то, что кавалеръ де-Мере пишетъ противъ безконечной дѣлимости, доказываетъ, что авторъ письма еще слишкомъ далекъ отъ высшихъ міровыхъ сферъ и по всей вѣроятности прелести здѣшняго міра, о которыхъ онъ также пишетъ, не дали ему достаточно времени для приобрѣтенія права гражданства въ болѣе высокой области».

*
*
*

За кавалеромъ де-Мере исторія математики должна признать ту несомнѣнную заслугу, что онъ страстно любилъ игру въ кости. Не будь этого, теорія вѣроятностей могла-бы опоздать на цѣлое столѣтіе.

Какъ страстный игрокъ, де-Мере чрезвычайно интересовался слѣдующимъ вопросомъ: какимъ образомъ раздѣлить ставку между игроками въ случаѣ, если игра не была окончена? Рѣшеніе этой задачи совершенно не поддавалось всѣмъ извѣстнымъ до того времени математическимъ методамъ.

Математики привыкли имѣть дѣло съ вопросами, допускающими вполне достовѣрное, точное или, по крайней мѣрѣ, приблизительное рѣшеніе. Здѣсь надо было рѣшить вопросъ, не зная, который изъ игроковъ могъ-бы выиграть, въ случаѣ продолженія игры? Ясно, что рѣчь шла о задачѣ, которую надо было рѣшить на основаніи *степеней вѣроятности* выигрыша или проигрыша того или другого игрока. Но до тѣхъ поръ ни одному математику еще не приходило въ голову вычислять событія только вѣроятныя. Казалось, что задача допускаетъ лишь гадательное рѣшеніе, т. е. что дѣлать выигрышъ надо совершенно наудачу, напр. метаніемъ жребія, рѣшающаго, за кѣмъ долженъ остаться окончательный выигрышъ.

Необходимъ былъ геній Паскаля и Фермата, чтобы понять, что такого рода задачи допускаютъ вполне опредѣленные рѣшенія и что «вѣроятность» есть величина, доступная измѣренію. Предположимъ, что требуется узнать, какъ велика вѣроятность вынуть бѣлый шаръ изъ урны, содержащей два бѣлые шара и одинъ черный. Всѣхъ шаровъ три, и бѣлыхъ шаровъ вдвое болѣе чѣмъ черныхъ. Ясно, что правдоподобнѣе предположить, при вынутіи наудачу, что будетъ вытянутъ бѣлый шаръ, нежели

черный. Можетъ какъ разъ случиться, что мы вынемъ черный шаръ; но все же мы вправѣ сказать, что *вѣроятность* этого событія меньше, чѣмъ вынуть бѣлый. Увеличивая число бѣлыхъ шаровъ и оставляя одинъ черный, легко видѣть, что вѣроятность вынуть черный шаръ будетъ уменьшаться. Такъ если-бы бѣлыхъ шаровъ было 1000, а черныхъ одинъ и если-бы кому либо предложили побиться объ закладъ, что будетъ вынуть черный шаръ, а не бѣлый, то развѣ сумасшедшій или азартный игрокъ рѣшился-бы поставить на карту значительную сумму въ пользу черного шара.

Уяснивъ себѣ понятіе объ измѣреніи вѣроятности, легко понять, какимъ образомъ Паскаль рѣшилъ задачу, предложенную де-Мере. Очевидно, что для вычисленія вѣроятности, надо узнать отношеніе между числомъ случаевъ благопріятныхъ событію и числомъ *всѣхъ* возможныхъ случаевъ (какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ). Полученное отношеніе и есть искомая вѣроятность. Такъ, если бѣлыхъ шаровъ 100, а черныхъ, положимъ, десять, то всѣхъ «случаевъ» будетъ 110, изъ нихъ 10 въ пользу черныхъ шаровъ. Поэтому вѣроятность вынуть черный шаръ будетъ $\frac{10}{110}$ или $\frac{1}{11}$.

Двѣ задачи, предложенныя кавалеромъ де-Мере, сводятся къ слѣдующему: первая состояла въ томъ, чтобы узнать, сколько разъ надо метать двѣ кости, чтобы надѣяться получить наибольшее число очковъ, т. е. 12; другая: какъ распределить выигрышъ между двумя игроками въ случаѣ неокончанія партіи. Первая задача сравнительно легка: стоитъ вычислить, сколько можетъ быть различныхъ сочетаній очковъ; лишь одно изъ этихъ сочетаній благопріятно событію, всѣ остальные неблагопріятны, и вѣроятность вычисляется очень просто. Вторая задача значительно труднѣе. Обѣ были рѣшены одновременно въ Тулузѣ математикомъ Ферматомъ и въ Парижѣ Паскалемъ. По этому поводу въ 1654 году между Паскалемъ и Ферматомъ завязалась переписка и, не будучи знакомы лично, они стали лучшими друзьями. Ферматъ рѣшилъ обѣ задачи посредствомъ придуманной имъ *теоріи сочетаній*. Рѣшеніе Паскаля было значительно проще: онъ исходилъ изъ чисто арифметическихъ соображеній. Ни мало не завидуя Фермату, Паскаль, наоборотъ, радовался совпаденію результатовъ и писалъ: «Съ этихъ поръ я желалъ-бы раскрыть передъ вами свою душу, такъ я радъ

тому, что наши мысли встрѣтились. Я вижу, что истина одна и таже въ Тулузѣ и въ Парижѣ».

Приводимъ вкратцѣ рѣшеніе Паскаля. Предположимъ, говорить Паскаль, что играютъ два игрока и что выигрышъ считается окончательнымъ послѣ выигрыша однимъ изъ нихъ трехъ партій. Пусть ставка каждаго игрока составляетъ 32 червонца и предположимъ, что первый уже выигралъ двѣ партіи (ему не хватаетъ одной), второй выигралъ одну (ему не хватаетъ двухъ). Имъ предстоитъ сыграть еще партію. Если ее выиграетъ первый, онъ получитъ всю сумму, т. е. 64 червонца; если второй, у каждаго будетъ по 2 партіи, шансы обоихъ равны и въ случаѣ прекращенія игры каждому, очевидно надо дать поровну.

И такъ: если выиграетъ первый, онъ получитъ 64. Если выиграетъ второй, то первый получитъ лишь 32. Поэтому, если оба согласны не играть предстоящей партіи, то первый вправѣ сказать: 32 червонца я получу во всякомъ случаѣ, даже если я проиграю предстоящую партію, которую мы согласились признать послѣдней. Стало-быть, 32 червонца мнѣ. Что касается остальныхъ 32—можетъ-быть ихъ выиграю я, можетъ-быть и вы; поэтому раздѣлимъ эту сомнительную сумму пополамъ. И такъ, если игроки разойдутся, не сыгравъ послѣдней партіи, то первому надо дать 48 черв., или же $\frac{3}{4}$ всей суммы, второму 96 черв. или $\frac{1}{4}$, изъ чего видно, что шансы перваго изъ нихъ на выигрышъ втрое больше, чѣмъ втораго (а не вдвое, какъ можно было-бы подумать при поверхностномъ разсужденіи).

Не трудно видѣть, что теорія вѣроятностей имѣетъ огромное примѣненіе. Посредствомъ нея астрономы опредѣляютъ вѣроятныя ошибки наблюденій, артиллеристы вычисляютъ вѣроятное количество снарядовъ, могущихъ упасть въ опредѣленномъ районѣ, физики опредѣляютъ число частицъ газа, ударяющихъ о стѣнки сосуда, страховыя общества вычисляютъ размѣръ премій и процентовъ, уплачиваемыхъ при застрахованіи жизни и имущества. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ явленія черезчуръ сложны, чтобы допустить абсолютно достовѣрное предсказаніе, теорія вѣроятностей даетъ возможность вычислить результаты, весьма близкіе къ достовѣрности и вполне годные на практикѣ.

Работы надъ теоріей вѣроятностей привели Паскаля къ замѣчательному математическому открытію, еще и теперь не вполне оцѣненному. Онъ составилъ такъ называемый ариѳметическій треугольникъ, позволяющій замѣнять многія весьма сложные алгебраическія вычисленія простѣйшими ариѳметическими дѣйствіями.

Чтобы получать треугольнички Паскаля проще всего поступить такъ. Напишемъ строчку и столбецъ составленные изъ единицы, повторенной сколько угодно разъ: 1, 1, 1, 1 и т. д., и такой-же вертикальный рядъ. Дальнѣйшія

числа треугольника получаются так: любое число треугольника Паскаля равно суммѣ числа, надъ нимъ стоящаго, съ числомъ, стоящимъ влѣво отъ даннаго числа. Такъ напр. наисавъ сначала

$$\begin{array}{c} 1 \quad 1 \\ 1 \end{array}$$

вставляемъ затѣмъ число 2 такимъ образомъ: $\frac{1}{1} \frac{1}{2}$ потому что $2=1+1$. Продолжая такимъ образомъ, не трудно составить напр. слѣдующій «треугольникъ» Паскаля:

	I	II	III	IV	V	VI
I	1	1	1	1	1	1
II	1	2	3	4	5	
III	1	3	6	10		
IV	1	4	10			
					и т. д.	
V	1	5				
VI	1					

Первая строка (и первый столбецъ) состоятъ изъ единицы, повторенной нѣсколько разъ; вторая строка (и столбецъ) изъ «натуральныхъ» чиселъ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Третья строка (и столбецъ) изъ такъ называемыхъ треугольныхъ чиселъ 1, 3, 6, 10 и т. д.; въ четвертой строкѣ (и столбцѣ) стоятъ пирамидальныя числа 1, 4, 10 и т. д.

Чтобы понять смыслъ этихъ названій, предположимъ, что требуется узнать сразу, сколько ядеръ находится въ кучѣ, имѣющей видъ треугольника, напр. такой:

Сначала положено 1 ядро, потомъ 2, 3, 4 и т. д. Словомъ, имѣемъ рядъ натуральныхъ чиселъ. Легко убѣдиться, что искомая сумма равна тому числу въ треугольникѣ Паскаля, которое стоитъ непосредственно подъ послѣднимъ изъ слагаемыхъ натуральныхъ чиселъ. Такъ въ нашемъ примѣрѣ подъ 4 стоитъ 10 и дѣйствительно $1+2+3+4=10$. Число 10 обозначаетъ число ядеръ въ треугольной кучкѣ, стороны которой содержатъ по 4 ядра. Числа 1, 3, 6, 10 называются «треугольными» числами.

Теперь представимъ себѣ пирамидальную кучу, составленную такимъ образомъ: на самомъ верху лежитъ одно ядро, подъ нимъ три сложенныхъ въ треугольникъ: $\begin{array}{c} \circ \\ \circ \circ \end{array}$ затѣмъ 6, сложенныхъ въ треугольникъ: $\begin{array}{c} \circ \\ \circ \circ \\ \circ \circ \circ \end{array}$ и такъ далѣе.

Чтобы сразу узнать, сколько ядеръ въ такой кучѣ, достаточно посмотрѣть, какое число написано подъ послѣднимъ взятымъ нами треугольнымъ числомъ. Въ данномъ примѣрѣ искомое число есть 10, стоящее подъ 6. Числа 1, 4, 10 и т. д., составляющія четвертый рядъ (или столбецъ), могутъ быть названы «пирамидальными», потому что обозначаютъ число ядеръ въ пирамидальныхъ кучахъ.

И такъ, первое примѣненіе треугольника Паскаля состоитъ въ томъ, что онъ позволяетъ почти мгновенно вычислять довольно сложныя суммы.

Въ теоріи вѣроятностей треугольникъ Паскаля также замѣняетъ сложныя алгебраическія формулы.

При рѣшеніи задачъ, относящихся къ теоріи вѣроятностей, Паскалю пришлось искать суммы чиселъ, идущихъ на нашей фигурѣ отъ одной римской цифры напр. отъ III до другоі такой-же цифры III въ косвенномъ направленіи, какъ напр. $1+2+1$, $1+3+3+1$ и т. д. Изслѣдованіе этихъ чиселъ навело Паскаля на рѣшеніе частнаго случая задачи, извѣстной подъ именемъ бланма Ньютона. Такимъ образомъ Паскаль задолго до Ньютона открылъ способъ возвышать двучленъ въ цѣлую положительную степень: Ньютонъ обобщилъ этотъ результатъ, распространивъ его на любыя степени и давъ ему алгебраическую форму.

Теорія треугольника Паскаля еще ждетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, могущихъ внести значительныя упрощенія въ разныя области математики.

VII.

Второе обращеніе Паскаля.—Его «завѣщаніе».—Быль-ли Паскаль сумасшедшимъ?—Янсенисты.—Портъ-Рояль.—Вліяніе Жакеллины на брата.

Еще въ октябрѣ 1654 года Паскаль велъ дѣятельную переписку съ Ферматомъ по вопросамъ, касавшимся теоріи вѣроятностей; нѣсколько недѣль спустя съ Паскалемъ произошло событіе, несомнѣнно повліявшее на него весьма сильно. Было-бы однако ошибкою думать, что окончательная перемѣна въ образѣ жизни Паскаля произошла внезапно, подѣ вліяніемъ одного этого событія.

Первое «обращеніе» Паскаля, какъ мы видѣли, было вызвано несчастнымъ паденіемъ его отца; ближайшимъ поводомъ ко второму «обращенію» явилась смертельная опасность, которой подвергся онъ самъ. Но выводить изъ этихъ двухъ случаевъ, что Паскаль оба раза подвергался временному *умопомѣшательству*, это значитъ злоупотреблять психіатрическими терминами. Не всякій экстазъ и даже не всякая галлюцинація служатъ доказательствомъ того полного душевнаго разстройства, выражающагося главнымъ образомъ въ ослабленіи *воли*, которое заслуживаетъ названія помѣшательства. Въ противномъ случаѣ пришлось-бы причислить къ помѣшаннымъ весьма и весьма многихъ. Въ XVIII вѣкѣ, когда классификація душевныхъ болѣзней находилась въ самомъ первобытномъ состояніи, такое смѣшеніе понятій было еще простибельно, но въ настоящее время ни одинъ разумный психіатръ не рѣшился-бы объявить Паскаля помѣшаннымъ, хотя каждый призналъ бы его состояніе не нормальнымъ.

Замѣчательно, что сестра Паскаля даже не упоминаетъ о новомъ происшествіи на мосту Нейльи, чего она не могла-бы

сдѣлать въ томъ случаѣ, еслибы Паскаль дѣйствительно былъ подверженъ *постояннымъ* галлюцинаціямъ, связаннымъ съ этимъ событіемъ. Эти галлюцинаціи вѣроятно овладѣли Паскалемъ лишь на короткій періодъ времени.

Нисколько не отвергая правдивости самого факта, засвидѣтельствованнаго въ одной монастырской лѣтописи, слѣдуетъ думать, что это происшествіе лишь ускорило внутренней переворотъ, который рано или поздно наступилъ-бы у Паскаля инымъ путемъ.

Въ одинъ праздничный день Паскаль катался съ друзьями въ коляскѣ, запряженной четверкою лошадей, какъ вдругъ притяжныя закусилы удила, какъ разъ въ ту минуту, когда коляска, ѣхавшая по мосту, поровнялась съ мѣстомъ, незагороженнымъ перилами. Въ одно мгновеніе лошади обрушились въ воду, дышло переломилось, и кузовъ коляски оторвавшись остался съ сѣдоками на самомъ краю пропасти.

Этотъ случай сильно потрясъ нервную натуру Паскаля, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что втеченіе нѣсколькихъ недѣль или даже мѣсяцевъ онъ быть можетъ страдалъ бессонницей и галлюцинаціями. Аббатъ Буало положительно утверждаетъ слѣдующее: «Этотъ великій умъ всегда (?) воображалъ, что видитъ съ своей лѣвой стороны бездну. Онъ постоянно ставилъ по лѣвую руку отъ себя стулъ, чтобы успокоить самого себя. Его друзья, его исповѣдникъ, его начальникъ (т. е. аббатъ, который былъ духовнымъ наставникомъ Паскаля въ Портъ-Рояльскомъ яansenитскомъ убѣжищѣ) не разъ убѣждали его, что бояться нечего, что это не болѣе, какъ призраки воображенія, утомленнаго отвлеченными метафизическими размышленіями. Онъ во всемъ соглашался съ ними и четверть часа спустя опять видѣлъ бездонную пропасть, которая его пугала».

Это показаніе аббата Буало тѣмъ болѣе важно, что аббатъ повидимому не зналъ о происшествіи на мосту Нейльи. Трудно предположить, чтобы онъ могъ ложно приписать Паскалю какъ разъ такія галлюцинаціи, которыя имѣють несомнѣнную связь съ этимъ происшествіемъ. Тѣмъ не менѣе никакъ нельзя повѣрить утвержденію, что Паскаль «всегда» былъ одержимъ этими призраками.

Если философы XVIII вѣка впадали въ крайность, считая Паскаля помѣшаннымъ, то едва-ли правильнѣе ихъ разсужда-

ють тѣ новѣйшіе писатели, которые безусловно отвергаютъ разсказъ аббата Буало, яко-бы оскорбительный для памяти Паскаля, какъ будто болѣзненное разстройство есть порокъ или преступленіе.

Одно несомнѣнно: такъ называемое «второе обращеніе» Паскаля было вызвано не исключительно происшествіемъ съ коляской, но цѣлымъ рядомъ болѣе глубокихъ причинъ. Чрезчуръ напряженная умственная дѣятельность, отсутствіе всякихъ семейныхъ радостей и интересовъ, кромѣ абстрактно-научныхъ, вліяніе друзей, принадлежавшихъ къ сектѣ янсенистовъ, неудачная любовь и вѣчныя болѣзни—все это, въ связи съ прежними религіозными порывами, служить достаточнымъ объясненіемъ окончательнаго «обращенія» Паскаля. Сверхъ того, у Паскаля религіозный экстазъ являлся какъ бы реакціей, наступившей послѣ чрезмѣрнаго напряженія, котораго требовали его научныя открытія. Это случилось съ нимъ въ первый разъ послѣ изобрѣтенія арифметической машины и работъ по гидростатикѣ: во второй— послѣ открытія теоріи вѣроятностей. Когда силы его, умственные и физическія, окончательно истощались, религіозная сфера была единственной, въ которой онъ могъ жить и мыслить, и даже самыя физическія страданія, угнетающая умственную дѣятельность, не препятствовали религіозному экстазу, не рѣдко доставляя для него подходящій матеріалъ. Въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно можно сказать, что религіозность Паскаля имѣла тѣсную связь съ его болѣзнями. Философы XVIII вѣка, усмотрѣвъ эту связь, ложно поняли ея, утверждая, что Паскаль сталъ «работъ» своего тѣла. Такое объясненіе чрезчуръ грубо и односторонне. Извѣстно, что Паскаль, наоборотъ, обладалъ огромною силою воли.

Несомнѣнно, что самую главную роль въ «обращеніи» Паскаля, кромѣ вліянія окружавшихъ его лицъ и идей XVII вѣка, играли весьма сложныя психологическія причины, подготовившіе постепенный переворотъ, въ которомъ событіе съ коляской играло роль сильнаго толчка, но не болѣе. О самомъ «обращеніи» извѣстно, что оно совершилось въ ноябрѣ 1654 года, въ одну роковую ночь, когда Паскаль, подъ вліяніемъ бессонницы и долгой внутренней борьбы, пришелъ въ восторженное состояніе, близкое къ тому, которое овладѣваетъ иными эпилептиками передъ припадкомъ паучей болѣзни—состояніе, обрисованное До-

стоевскимъ въ его «Идіотѣ». Подъ вліяніемъ этого экстаза, Паскаль написалъ родъ исповѣди или завѣщанія, которое зашилъ въ подкладку своей одежды и всегда съ тѣхъ поръ носилъ при себѣ. Философы XVIII вѣка сочли эту исповѣдь бредомъ помѣшаннаго; новѣйшіе защитники Паскаля видятъ въ ней религиозную программу, родъ исповѣданія вѣры.

Въ дѣйствительности этотъ документъ, при всей своей безсвязности, является сжатой программой нравственно-религіозныхъ убѣжденій Паскаля, но программой, написанной не вслѣдствіе глубокихъ размысленій о вѣрѣ, а почти бессознательно, почти въ бреду.

Вотъ это завѣщаніе, впервые опубликованное извѣстнымъ философомъ Кондорсе, подъ названіемъ «Амулетъ Паскаля».

Годъ милости Божіей 1654. Понедѣльникъ 23 ноября, въ день св. Климента мученика и папы и друиыхъ мучениковъ. Приблизительно съ 10¹/₂ ч. вечера до 12¹/₂. (Какъ математикъ, Паскаль опредѣляетъ продолжительность своего экстаза съ точностью до получаса).

Успоиій.

Богъ Авраама, Исаака, Иакова, но не Богъ философовъ и ученыхъ.

Достоверность. Чувство. Радость. Миръ. Богъ Иисуса Христа. Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ. Забвеніе міра и всего, кромъ Бога. Его можно найти лишь путями, указанными въ Евангеліи. Величіе человеческой души. Праведный отецъ, міръ тебя не зналъ, но я тебя зналъ. Радость, радость, радость, слезы радостей, я отдѣлился отъ него: покинули меня источники живой воды. Боже мой, покинешь-ли меня? Я не отдѣлился отъ него на вѣки. Иисусъ Христосъ, Иисусъ Христосъ. Я отъ него отдѣлился; я бѣжалъ отъ него, распялъ его, отрекся. Да не отдѣлюсь отъ него никогда. Онъ сохраняется лишь путями, преподанными въ Евангеліи. Отреченіе отъ міра полное и сладостное. Полное подчиненіе Христу и моему духовному начальнику. Вѣчная радость за одинъ день труда на землѣ. Да не забуду твоихъ заповѣдей. Аминь.

Конечно, эта исповѣдь—не бредъ сумасшедшаго, хотя и похожа на бредъ. Едва-ли это также талисманъ, имѣющій цѣлью оберечь отъ всякаго рода несчастій.

Послѣднее предположеніе высказалъ Кондорсе, который былъ

такъ удивленъ чтеніемъ исповѣди Паскаля, что счелъ ее чѣмъ-то вродѣ заклинанія противъ дьявольскаго навожденія. Въ оправданіе этой гипотезы, усвоенной также врачомъ Лелю, написавшимъ въ 1846 г. цѣлую книгу: «Амулетъ Паскаля; отношеніе здоровья этого великаго человѣка къ его генію» — въ пользу этой гипотезы, повидимому, говорятъ нѣкоторыя данныя. Какъ увидимъ ниже, Паскаль въ дѣлахъ вѣры заходилъ весьма далеко и напр. вполне увѣровалъ въ «чудо святого тернія». Весьма правдоподобно поэтому предположить, что онъ могъ вѣрить въ таинственную силу клочка бумаги и пергамента—онъ написалъ свою исповѣдь на двухъ такихъ клочкахъ. Но было бы натяжкой утверждать, что для Паскаля его безсвязная исповѣдь играла только эту роль. Ея значеніе вполне очевидно: это—выраженіе душевнаго переворота, это—засвидѣтельствованіе передъ самимъ собою того, что отнынѣ Паскаль рѣшился жить новою жизнью. И дѣйствительно, исповѣдь Паскаля не осталась только на бумагѣ: она была настоящей программой послѣднихъ пяти-шести лѣтъ его жизни. Наилучшимъ возраженіемъ противъ помѣшательства Паскаля является литературная борьба, затѣянная имъ вскорѣ послѣ того противъ іезуитовъ.

Постепенная подготовка описаннаго переворота началась еще лѣтомъ 1654 года. Еще задолго до памятной ноябрьской ночи, въ сентябрѣ того-же года, Паскаль «открылъ душу» своей младшей сестрѣ Жакелинѣ «такимъ жалостнымъ образомъ, что тронулъ ее до глубины души».

Вообще Жакелина Паскаль несомнѣнно играла весьма выдающуюся роль во «второмъ обращеніи» своего брата. Сестра только оплатила брату за свое собственное обращеніе, состоявшееся подъ его влияніемъ. Не малую роль играли также отношенія Паскаля къ дѣвицѣ Роанезъ, въ свою очередь удалившейся отъ міра подъ влияніемъ разговоровъ и писемъ Паскаля. Въ самую критическую эпоху жизни Паскаля, когда онъ еще колебался между любовью къ дѣвицѣ Роанезъ и своимъ религіознымъ цѣломудріемъ, онъ обратился за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ своей сестрѣ Жакелинѣ—и легко догадаться, какіе совѣты могла дать ему экзальтированная дѣвушка, похоронившая свою собственную молодость въ монастырѣ.

Въ 1652 году, за два года до своего окончательнаго обращенія, Паскаль былъ не особенно доволенъ отшельническою

жизнью сестры и даже не хотѣлъ выдать Жакелинѣ причитавшейся ей доли наслѣдства, опасаясь, что она отдастъ все свое имущество въ монастырь. Сохранилось краснорѣчивое письмо Жакелины, въ которомъ она умоляетъ брата не противиться ея призванію. «Обращаюсь къ вамъ, писала Жакелина 5 марта 1652), какъ къ человѣку, отъ котораго до извѣстной степени зависитъ моя судьба, чтобы сказать вамъ: не отнимайте у меня того, чего не можете вознаградить. Господь воспользовался вами для того, чтобы внушить мнѣ первыя впечатлѣнія своей благодати... не мѣшайте-же тѣмъ, кто дѣлаетъ доброе, и если вы не имѣете силы послѣдовать за мною, то по крайней мѣрѣ, не удерживайте меня; прошу васъ, не разрушайте того, что вы построили. Затѣмъ уже другимъ тономъ Жакелина прибавляетъ: «Я ожидаю отъ тебя этого доказательства твоей дружбы ко мнѣ и прошу посѣтить меня въ день моего обрученія (т. е. въ день принятія монашескаго обѣта), которое состоится въ день Троицы».

О томъ вліяніи, которое оказала Жакелина Паскаль на окончательное «обращеніе» своего брата, сохранились еще слѣдующія свѣдѣнія, сообщаемыя племянницей Паскаля.

«Когда мой дядя, пишетъ она, вздумалъ купить должность и жениться, онъ совѣщался объ этомъ съ моею теткой, принявшей монашество, которая сокрушалась о томъ, что ея братъ, ознакомившій ее самое съ тщетою и суетностью міра, самъ собирался погрузиться въ эту пучину. Она часто уговаривала его отказаться отъ своихъ намѣреній. Дядя слушалъ внимательно и со дня на день откладывалъ окончательное рѣшеніе. Наконецъ въ день зачатія св. Дѣвы, 8 декабря, онъ пошелъ къ теткѣ и говорилъ съ нею. Когда перестали звонить къ проповѣди, онъ вошелъ въ церковь, чтобы послушать проповѣдника. Проповѣдникъ былъ на кафедрѣ, и тетка не могла успѣть переговорить съ нимъ. Проповѣдь была о зачатіи святой Дѣвы, о началѣ христіанской жизни, о томъ, какъ важно христіанину соблюдать святость, не обременяя себя должностями и брачными узами. Проповѣдникъ говорилъ съ большою силою. Мой дядя, вообразивъ, что все это было сказано собственно для него, принялъ эту проповѣдь весьма близко къ сердцу. Тетка моя, сколько могла, старалась разжечь въ немъ этотъ новый пламень и черезъ нѣсколько дней дядя рѣшился окончательно порвать со свѣтомъ. Онъ уѣхалъ въ деревню, чтобы раззнакомиться со всѣми,

такъ какъ до того времени принималъ многихъ гостей и дѣлалъ визиты. Это ему удалось и онъ порвалъ связи со всѣми свѣтскими знакомыми.

Сопоставляя всѣ рассказы объ обращеніи Паскаля, не трудно нарисовать въ общихъ чертахъ картину происшедшаго въ немъ внутренняго переворота.

Еще лѣтомъ 1653 года Жакелина писала мужу своей старшей сестры о братѣ, говоря, что молитвы ея о бѣдномъ братѣ будутъ услышаны. Насколько Паскаль сталъ подчиняться влиянію своей экзальтированной сестры, такъ походившей на него умомъ, талантами и даже наружностью, видно изъ того, что когда Паскаль вступилъ наконецъ въ Портъ - Рояль и каился подъ руководствомъ директора Сенглена, этотъ послѣдній, заболѣвъ, передалъ Паскаля духовному попеченію сестры Евфиміи — имя, подъ которымъ Жакелина была извѣстна въ этой янсенистской общинѣ *). Осенью 1654 года Паскаль такъ часто посѣщалъ Жакелину, что, по ея собственнымъ словамъ, изъ ихъ бесѣдъ можно было-бы составить цѣлый томъ. По всему видно, что происшествіе на мосту Нейльи было лишь толчкомъ къ обращенію Паскаля, и не болѣе сильнымъ, чѣмъ тотъ, который былъ данъ поразившей его проповѣдью, слышанной имъ уже послѣ той ночи, когда онъ, задыхаясь отъ восторга и благоговѣнія, писалъ свое безсвязное завѣщаніе или исповѣдь самому себѣ. Последніе мѣсяцы 1654 года Паскаль употребилъ на окончательную переработку своей натуры и въ началѣ 1655 года былъ уже въ полномъ смыслѣ слова мистикомъ.

*) Портъ - Рояль находился въ предмѣстьи Сенъ-Жакъ въ Парижѣ. До сихъ поръ въ этой мѣстности есть бульваръ того же имени. Предмѣстье это находится подлѣ Латинскаго квартала. Здѣсь былъ женскій монастырь, кельи для мужчинъ-отшельниковъ, даже книжные магазины и типографія, принадлежавшія янсенистамъ.

VIII.

Очеркъ исторіи янсенизма. — «Письма къ провинціалу».

Еще въ эпоху своего перваго «обращенія» Паскаль тѣсно сблизился съ нѣкоторыми янсенистами. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся борцовъ янсенистскаго движенія.

Основателемъ янсенизма былъ голландецъ Карлъ Янсенъ или Янсений, бывшій въ началѣ XVII вѣка епископомъ Ипрскимъ, человѣкъ безупречной нравственности, отъявленный врагъ іезуитовъ, всю жизнь боровшійся противъ ихъ ученія и противъ іезуитской морали. Въ то время столпами іезуитизма считались Лессій и Молина и по имени этого послѣдняго іезуитовъ нерѣдко даже называли молинистами.

Въ то время какъ іезуиты утверждали, что «благодать» принадлежитъ всѣмъ христіанамъ и что самые тяжкіе грѣхи могутъ быть покрыты покаяніемъ, Янсений сталъ доказывать, что «благодать» принадлежитъ лишь избраннымъ и требовалъ отъ своихъ послѣдователей самой суровой добродѣтели. Его ученіе во многихъ отношеніяхъ сходно съ кальвинизмомъ.

Янсенизмъ весьма быстро распространился во Франціи и, особенно, въ Парижѣ. Множество ученыхъ и знатныхъ людей, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ, стали селиться въ Портъ-Роялѣ, подлѣ Латинскаго квартала, подъ именемъ отшельниковъ (*solitaires*) занимаясь въ своемъ уединеніи богословскими вопросами, ручнымъ трудомъ и воспитаніемъ дѣтей. Арно, герцогъ де Ланкуръ и впослѣдствіи Паскаль были наиболѣе выдающимися представителями секты. Іезуиты заволновались. Помимо возбужденія янсенистами догматическихъ и нравственныхъ вопросовъ, іезуиты просто боялись конкуренціи въ области чисто матеріальной. До возникновенія янсенизма всѣ школы были въ рукахъ іезуитовъ; теперь въ Портъ-Роялѣ явились янсенистскія учебныя заведенія, куда шли дѣти изъ слоевъ высшей буржуазіи и изъ дворянъ. На исповѣдь къ янсенистамъ стали сте-

каться со всѣхъ концовъ Парижа; въ числѣ ихъ послѣдователей было много придворныхъ. Для іезуитскихъ школъ и исповѣдалень это былъ страшный ударъ.

Правительство было враждебно янсенизму. Ришелье не могъ простить Янсенію его памфлета: «Галльскій Марсъ», въ которомъ основатель секты рѣзко порицалъ кардинала за его союзъ съ протестантскими державами. Впослѣдствіи Людовикъ XIV былъ еще менѣе расположенъ къ янсенистамъ, такъ какъ іезуиты съумѣли убѣдить его, что новая секта подрываетъ основы монархическаго строя.

Въ Парижѣ борьба между янсенистами и іезуитами началась еще въ 1643 году, когда іезуиты объявили съ проповѣдническихъ кафедръ, что Янсеній есть «переваренный Кальвинъ», а его учениковъ называли «лягушками, родившимися въ тинѣ женеваго болота». Десять лѣтъ спустя, папа Иннокентій X, подчиняясь вліянію іезуитовъ, издалъ буллу, въ которой ученіе Янсенія осуждалось, какъ еретическое. Еще позднѣе, какъ разъ въ то время, когда Паскаль началъ въ Портъ-Рояль отшельническую жизнь, произошло столкновеніе, взволновавшее весь Парижъ.

Въ числѣ аристократовъ, имѣвшихъ сношенія съ янсенистами, былъ герцогъ де-Ліанкуръ, постоянно посѣщавшій портъ-рояльскихъ отшельниковъ, но не порвавшій связи съ господствующею церковью. Герцогъ Ліанкуръ такъ уважалъ янсенистовъ, что не только далъ въ своемъ домѣ убѣжище двумъ преслѣдуемымъ янсенистамъ, но даже отдалъ свою внучку на воспитаніе въ портъ-рояльскій женскій монастырь, гдѣ какъ извѣстно, въ числѣ монахинь была также сестра Паскаля. Іезуиты не могли простить герцогу подобныхъ дѣйствій.

Въ январѣ 1655 года, когда герцогъ явился въ церковь св. Сульпиція на исповѣдь, исповѣдовавшій его іезуитъ сказалъ: «Вы мнѣ сказали ваши грѣхи, но утаили главное. Во-первыхъ, вы скрываете у себя въ домѣ еретика; во-вторыхъ, вы отдали вашу внучку въ Портъ-Рояль, да и вообще вы имѣете связи съ этими людьми. Вы должны покаяться и притомъ не тайно, а всенародно». Герцогъ промолчалъ, спокойно вышелъ изъ храма, но болѣе не возвращался. Это происшествіе надѣлало большого шума, тѣмъ болѣе, что героемъ его былъ вельможа, пэръ Франціи.

Этимъ дѣломъ не кончилось.

Одинъ изъ вождей янсенистскаго движенія, Арно, написалъ

«Письмо къ знатной особѣ», въ которомъ весьма рѣзко порицалъ іезуита, отказавшаго въ отпущеніи грѣховъ такому достойному человѣку, каковъ герцогъ де-Ліанкуръ. Тогда іезуиты, въ свою очередь, выпустили цѣлый рядъ памфлетовъ противъ Арно, а послѣдній отвѣтилъ имъ новымъ «Письмомъ къ пэру Франціи». Вскорѣ съ церковной кафедры споръ перешолъ на кафедру Сорбонны, и съ 1 дек. 1655 г. по 31 янв. 1656 г. въ этомъ храмѣ науки состоялся рядъ преній, на столько бурныхъ, что французскій писатель Сентъ-Бёвъ сравниваетъ ихъ съ самыми шумными политическими собраніями 1815 года. Пренія происходили на тогдашнемъ варварскомъ латинскомъ нарѣчій и выраженія ораторовъ были таковы, что синдикъ Сорбонны постоянно долженъ былъ прибѣгать къ торжественной формулѣ. *Domine mi, improbo tibi silentium* (сударь, повелѣваю тебѣ молчать). Большинство нѣсколько разъ бурно требовало заключенія дебатовъ; слышались крики: *conclude, concludatur* (закончить). Не смотря на весьма сильную оппозицію меньшинства, Арно былъ осужденъ и торжественно исключенъ изъ Сорбонны.

Въ тогдашнемъ парижскомъ обществѣ столько же интересовались подобными дебатами, сколько теперь интересуются важнѣйшими политическими вопросами. Паскаль не могъ остаться равнодушнымъ въ этомъ спорѣ. Находясь однажды въ обществѣ своихъ новыхъ друзей, отшельниковъ Портъ-Рояля, Паскаль живо заинтересовался мнѣніями нѣкоторыхъ собесѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что было-бы чрезвычайно полезно выяснитъ незнающей публикѣ, что всѣ эти диспуты въ Сорбоннѣ основаны не на какихъ либо серьезныхъ данныхъ, а на пустыхъ уловкахъ. Всѣ одобрили эту мысль и настаивали, чтобы Арно написалъ серьезную защитительную рѣчь. «Неужели же, говорили ему, вы позволите, чтобы васъ осудили, какъ школьника, и не скажете ни слова въ ваше оправданіе, хотя-бы для того, чтобы ознакомить публику, въ чемъ тутъ дѣло?» Арно попытался написать и прочелъ написанное въ обществѣ друзей, но никто не сказалъ ни одного одобрительнаго замѣчанія. «Я вижу, сказалъ Арно, что это вамъ не нравится, впрочемъ я самъ сознаю, что надо написать не такъ». И, обратившись къ Паскалю, онъ прибавилъ: «Но вы, вы молоды, вы должны были бы сдѣлать что-нибудь.» Паскаль, еще не испытывшій своихъ силъ на этомъ новомъ поприщѣ, сказалъ, что попытается написать проектъ отвѣта, но надѣется, что найдутся

люди, которые исправят его несовершенный трудъ. На слѣдующій же день Паскаль принялся за работу и, по обыкновенію, вскорѣ увлекся ею. Въмѣсто очерка или программы, онъ написалъ письмо (23 янв. 1656), которое прочиталъ въ обществѣ своихъ портъ-рояльскихъ друзей. Онъ не прочелъ еще и половины, какъ Арно воскликнулъ: «Превосходно! Это всеъ понравится, надо напечатать». Все присутствовавшіе были того же мнѣнія. Таково происхожденіе перваго изъ знаменитыхъ «Писемъ провинціалу». Постепенно увлекаясь своей темой, Паскаль рылся въ библіотекахъ, вытаскивая покрытыя пылью творенія испанскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ іезуитовъ и выставляя ихъ къ позорному столбу. Въ мартѣ 1657 года появилось его послѣднее письмо. Можно-ли допустить, что эти письма принадлежали помѣшанному?

Эти «Письма, написанныя Луи де Монтальтомъ къ своему другу провинціалу и къ достопочтеннымъ отцамъ іезуитамъ», эти замѣчательные памфлеты противъ іезуитской догмы и морали, были и остаются сильнѣйшимъ богословско-полемическимъ сочиненіемъ, когда либо направленнымъ противъ учениковъ Лойолы и Молины.

Впечатлѣніе, произведенное этими письмами, было необыкновенно. «Письма къ провинціалу» печатались главнымъ образомъ въ тайной типографіи, находившейся въ одной изъ водяныхъ мельницъ, которыми тогда изобиловалъ Парижъ. Печатаніе взялъ на себя Пьеръ Лепети, знаменитый книгопродавецъ и королевскій типографъ, который употребилъ для этой цѣли какія-то особыя типографскія чернила, имъ самимъ изобрѣтенныя, обладавшія свойствомъ высыхать почти мгновенно, что позволяло печатать «Письма» за часъ до ихъ отправки. «Никогда еще, пишетъ одинъ историкъ и противникъ яansenизма, іезуитъ Даниль, никогда еще почта не зарабатывала столько денегъ. Экземпляры были посланы во все города королевства, и хотя меня очень мало знали въ Портъ-Рояль, я получилъ въ одномъ бретонскомъ городѣ, гдѣ тогда находился, большой пакетъ на свое имя, причемъ доставка была уплачена».

Можно себѣ представить гнѣвъ іезуитовъ и ихъ покровителей. Прежде всего начались всюду обыски и аресты съ цѣлью отыскать типографщика. По приказанію короля арестовали

Шарля Савре, одного изъ портъ-рояльскихъ книгопродавцевъ. Допросъ былъ сдѣланъ «уголовнымъ поручикомъ» Тардифомъ, который допросилъ также жену и прикащиковъ Савре, но не добился ничего. Тардифъ сдѣлалъ также домашній обыскъ у Пьерра-Лепети, но имѣлъ не болѣе успѣха, потому что, когда королевскіе агенты явились въ домъ Лепети, его жена побѣжала въ типографію, схватила тяжелыя типографскія формы и, спрятавъ ихъ подъ фартукомъ, снесла одному сосѣду, у котораго въ ту-же ночь напечатали 300 экз. второго письма, а потомъ еще 1200. Печатаніе обошлось весьма дорого, но было продано, по одному су за письмо, столько экземпляровъ, что расходы окупились съ избыткомъ.

Не только полиція, но и публика жаждала узнать, кто былъ этотъ таинственный Луи-Монтальтъ—авторъ писемъ къ провинціалу. Никому не приходило въ голову считать авторомъ Паскаля, и письма приписывались сначала Гомбервилю, потомъ аббату Леруа. Паскаль въ то время жилъ подлѣ Люксембурга въ домѣ, находившемся какъ разъ противъ воротъ Сентъ-Мишель. Это убѣжище предложилъ Паскалю поэтъ Патриксъ, ординарецъ герцога Орлеанскаго, но для большей безопасности, Паскаль переѣхалъ въ маленькую гостинницу подѣ фирмою «Король Давидъ», находившуюся за Сорбонной, какъ разъ на-противъ коллегіи іезуитовъ: «подобно искусному генералу, замѣчаетъ Сентъ-Бевъ, онъ остановился лицомъ къ лицу передъ врагомъ». Въ той же гостинницѣ поселился мужъ его старшей сестры, Перье, пріѣхавшій въ Парижъ по дѣламъ. Одинъ іезуитъ, Фрета, родственникъ Перье, пришелъ въ гости къ этому послѣднему и по родственному предупредилъ его на счетъ разпространившихся наконецъ слуховъ объ авторствѣ Паскаля. Перье притворился изумленнымъ и сказалъ, что все это выдумка; а между тѣмъ въ этотъ самый моментъ у него за полуоткрытымъ пологомъ, прикрывавшимъ его кровать, находились десятка два экземпляровъ седьмого и восьмого письма, только-что напечатанныхъ. Когда іезуитъ ушелъ, Перье побѣжалъ къ Паскалю и, рассказавъ ему въ чемъ дѣло, совѣтовалъ остерегаться еще больше прежняго. Паскалю однако удалось избѣжать Бастиліи.

Труднѣе было избѣжать громовъ, направленныхъ противъ сочиненія Паскаля. Въ 1660 году по повелѣнію короля «Письма» мнимаго Мотальта были разсмотрѣны комиссіей изъ 4 еписко-

повъ и девяти докторовъ Сорбонны. Коммисія признала, что въ «Письмахъ» содержатся всѣ лжеученія Янсенія, что здѣсь находятся мнѣнія, оскорбительныя для папъ, епископовъ, короля, богословскаго парижскаго факультета и нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ. Это заявленіе было сообщено государственному совѣту, который повелѣлъ, чтобы письма были изорваны и сожжены рукою палача. Въ такомъ же духѣ высказались нѣкоторые провинціальныя парламенты, но послѣдніе дѣйствовали далеко неискренне. Такъ, парламентъ въ Э (Aix) повелѣлъ сжечь «Письма»; но члены этого судебнаго учрежденія сами охотно читали «Письма», и никто изъ нихъ не рѣшался пожертвовать своимъ экземпляромъ для публичной экзекуціи. Наконецъ одинъ изъ судей догадался и далъ бывшій у него альманахъ, велѣвъ надписать на переплетѣ заглавіе «Писемъ». Этотъ невинный альманахъ и былъ сожженъ публично.

О значеніи «Писемъ» Паскаля можно судить по слѣдующему событію. Какъ только появились первыя письма, одинъ изъ руанскихъ проповѣдниковъ послѣшилъ заявить съ кафедры, что авторъ писемъ—опасный еретикъ, клеветущій на достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ. Тогда руанское духовенство избрало изъ своей среды комиссію, съ цѣлью провѣрить цитаты, приведенныя въ «Письмахъ». Цитаты оказались совершенно согласными съ цитируемыми оригиналами. Убѣдившись въ этомъ, руанскіе священники написали посланіе къ священникамъ Парижа, прося ихъ собраться вмѣстѣ, съ цѣлью публичнаго осужденія мерзостей, проповѣдуемыхъ іезуитами. Въ 1656 году дѣйствительно состоялся въ Парижѣ съѣздъ, на которомъ было принято предложеніе руанскаго духовенства заявить публично, что «чтеніе іезуитскихъ книгъ привело слушателей въ ужасъ». «Мы были вынуждены,—писали руанскіе священники,—заткнуть уши, какъ нѣкогда поступили отцы нивейскаго собора, не желавшіе слушать богохульство Арія. Каждый изъ насъ ревностно желалъ покарать этихъ жалкихъ писаекъ, извращающихъ евангельскія истины и вводящихъ мораль, которой постыдились-бы честные язычники и добрые турки». Дѣло Паскаля было такимъ образомъ выиграно передъ общественнымъ мнѣніемъ еще прежде, чѣмъ его книга подверглась публичному сожженію.

IX.

Чудо святого тернія. — «Мысли» Паскаля. — Зубная боль, какъ стимулъ къ научному открытію. — Послѣдніе годы жизни Паскаля. — Судьба дѣвочки де Роанезъ. — Благотворительность Паскаля. — Послѣдняя болѣзнь и смерть.

Какъ разъ въ то время, когда Паскаль писалъ свои «Письма къ провинціалу», произошло событіе, весьма соотвѣтствовавшее его восторженному настроенію и принятое имъ за непосредственное проявленіе божьей благодати по отношенію къ его собственной особѣ. Это событіе еще разъ доказываетъ, что можно совмѣщать въ себѣ повидимому противорѣчивыя душевныя качества — замѣчательную проницательность ума съ поразительнымъ легко-вѣріемъ.

Дочь старшей сестры Паскаля, т. е. его племянница Маргарита Перье страдала весьма злокачественной фистулой слезной железы. По утверженію ея матери, фистула была такъ упорна, что гной выходилъ не только изъ глаза, но изъ носа и изъ рта дѣвочки, и самые искусные хирурги Парижа считали эту рану неизлечимой. Оставалось прибѣгнуть къ «чуду». Въ Портъ-Роялѣ находился гвоздь, носившій имя «святого тернія»: увѣряли, что этотъ гвоздь былъ взятъ изъ тернового вѣнца Христа. Весьма возможно, что причиною болѣзни дѣвушки было засореніе глаза кончикомъ иглы и что чудесный гвоздь обладалъ по просту магнитными свойствами, а потому могъ извлечь занозу. Такъ или иначе, но г-жа Перье увѣряетъ, что дочь ея была исцѣлена «моментально» однимъ прикосновеніемъ къ св. тернію. Любители чудеснаго конечно не заподозрятъ правдивости этого показанія матери, присутствовавшей при исцѣленіи и вообще писавшей обо всемъ правдиво. Но безпристрастное историческое изслѣдованіе доказываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ самые правдивые люди способны преувеличивать. Показаніе Жильберты прямо опровергается письмомъ ея младшей сестры, портъ-рояльской монахини Жакелины (сестры Евфиміи). Послѣдняя писала объ огорченіи, испытанномъ ею по тому поводу, что отецъ больной

племянницы Перье, по маловѣрїю своему не присутствовалъ при исцѣленіи и уѣхалъ, не дождавшись результата. Въ этомъ же письмѣ Жакелина сообщаетъ, что дѣвушку приводили въ монастырь и прикладывали къ св. тернію втеченіе шести дней сряду. Это ужъ совсѣмъ не похоже на мгновенно совершившееся чудо.

Такъ или иначе, но объ этомъ «чудѣ» говорилъ весь Парижъ.

«Чудо это, поясняетъ г-жа Перье, было настолько подлинное, что всѣ его признали и оно было засвидѣтельствовано знаменитыми врачами и искуснѣйшими хирургами и одобрено торжественнымъ постановленіемъ церкви».

Послѣ этого не удивительно, что Паскаль увѣровалъ въ столь несомнѣнное и даже официально «одобренное» чудо. Этого мало. Въ виду того, что племянница Паскаля была его крестницей, т. е. духовной дочерью, Паскаль принялъ излившуюся на нее благодать на свой счетъ. «Мой братъ, пишетъ г-жа Перье, былъ чрезвычайно утѣшенъ тѣмъ, что божья сила проявляется съ такою очевидностью во времена, когда вѣра, газалось, погасла въ сердцахъ большинства людей. Радость его была такъ велика, что умъ его отдался этому чуду всецѣло, и у него явилось много удивительныхъ мыслей о чудесахъ, которыя, представивъ для него религію въ новомъ освѣщеніи, удвоили въ немъ любовь и уваженіе, которое онъ всегда питалъ къ предметамъ вѣры».

На сколько его умъ подчинился вліянію этого «чуда», въ этомъ убѣждаютъ многіе поступки Паскаля: такъ напр. онъ даже измѣнилъ свою печать, избравъ своимъ гербомъ глазъ, окруженный терновымъ вѣнцомъ. Популярнѣйшее изъ произведеній Паскаля, его «Мысли» (*Pensées*), во многихъ мѣстахъ является отголоскомъ чуда св. терніа.

Подъ впечатлѣніемъ этого событія, Паскаль, до тѣхъ поръ ограничивавшій свою богословскую дѣятельность полемикою съ іезуитами, вздумалъ написать нѣчто вродѣ обширной апологіи христіанства. Очерки этой апологіи и составили сборникъ, извѣстный подъ именемъ «Мыслей» Паскаля.

Давно уже отказавшись отъ всякихъ мірскихъ удовольствій, Паскаль все болѣе и болѣе предавался суровой жизни аскета. Онъ дошелъ до того, что сталъ считать преступными самыя естественныя человѣческія чувства: такъ напр., онъ осуждалъ свою сестру Жильберту Перье за то, что она, по его мнѣнію,

слишкомъ часто ласкала своихъ дѣтей, увѣряя, что материнскія ласки развиваютъ будто-бы въ дѣтяхъ только слабодушіе. Въ своей собственной обстановкѣ Паскаль не только изгналъ всякую роскошь и удобства, но, недовольствуясь своими органическими недугами, сознательно причинялъ себѣ новыя физическія страданія. Часто онъ надѣвалъ на голое тѣло желѣзный поясъ съ остріями, и какъ только ему являлась какая либо «праздная» мысль или желаніе доставить себѣ малѣйшее удовольствіе, Паскаль ударялъ локтями по поясу такъ, что острія вонзались въ тѣло. Это обыкновеніе показалось ему столь полезнымъ, что онъ сохранилъ его до самой смерти и поступалъ такъ даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда постоянно страдалъ до такой степени, что не могъ ни читать, ни писать. Ему приходилось иногда ничего не дѣлать или гулять, и въ это время онъ постоянно боялся, что бездѣлье совратитъ его съ пути истины.

Въ своей обстановкѣ Паскаль ввелъ такую простоту, что въ его комнатѣ не было ни малѣйшаго коврика и вообще ничего лишняго. Слишкомъ суровая жизнь вскорѣ привела къ тому, что къ Паскалю возвратились всѣ болѣзни, которыми онъ страдалъ въ юношескомъ возрастѣ. Прежде всего вернулась зубная боль и съ нею бессонница.

Однажды ночью, мучимый жесточайшею зубною болью, Паскаль совершенно безъ всякаго предвзятаго намѣренія сталъ думать о вопросахъ, касающихся свойствъ такъ называемой циклоиды, кривой линіи, обозначающей путь, проходимый точкою катящагося (по прямой линіи) круга напр. колеса. За одною мыслью послѣдовала другая, образовалась цѣлая цѣпь теоремъ. Паскаль вычислялъ какъ-бы безсознательно и самъ былъ изумленъ своими открытіями. Но онъ давно уже бросилъ математику. Еще задолго передъ тѣмъ онъ прекратилъ переписку съ Ферматомъ, написавъ послѣднему, что совершенно разочаровался въ математикѣ, что считаетъ ее любопытнымъ, но бесполезнымъ занятіемъ. На этотъ разъ однако математическія открытія какъ бы противъ воли навязывались его уму, и Паскалю пришла мысль посоветоваться съ однимъ изъ своихъ портъ-рояльскихъ друзей. Получивъ совѣтъ «печатать то, что внушено ему Богомъ», Паскаль рѣшился наконецъ взяться за перо.

Онъ сталъ писать съ необычайной быстротою. Все изслѣдованіе было написано въ восемь дней, причемъ Паскаль писалъ сразу, не переписывая. Двѣ типографіи едва поспѣвали за нимъ.

и только что исписанные листы тотчас сдавались въ наборъ. Такимъ образомъ явились въ свѣтъ послѣднія научныя работы Паскаля. Это замѣчательное изслѣдованіе о циклоидѣ приблизило Паскаля къ открытію дифференціальнаго исчисленія, т. е. анализа бесконечно малыхъ величинъ—но все-же честь этого открытія досталась не ему, а Лейбницу и Ньютону. Будь Паскаль болѣе здоровъ духомъ и тѣломъ, онъ несомнѣнно довелъ-бы свой трудъ до конца. У Паскаля мы видимъ уже вполне ясное преставленіе о бесконечныхъ величинахъ, но вмѣсто того, чтобы развить его и примѣнить въ области математики, Паскаль отвелъ широкое мѣсто бесконечному лишь въ своей апологіи христіанства.

Послѣдніе годы жизни Паскаля были рядомъ непрерывныхъ физическихъ страданій. Онъ выносилъ ихъ съ изумительнымъ героизмомъ и даже добавлялъ къ нимъ новыя ненужныя страданія.

Паскаль стремился сдѣлать для себя невозможными и недоступными даже самыя элементарныя удовольствія, вродѣ вкусовыхъ ощущеній. Постоянныя болѣзни вынуждали его противъ воли употреблять не слишкомъ грубую пищу. Но самый простой столъ уже казался ему роскошью, и Паскаль старался глотать пищу такъ поспѣшно, чтобы не успѣть распознать ея вкуса. Обѣ сестры—не только Жильберта, но даже монахиня Жакелина Евфимія,—старались иногда приготовить ему что либо вкусное, зная что братъ ихъ подверженъ потерѣ аппетита. Но если Паскаля спрашивали, понравилась-ли ему пища, онъ отвѣчалъ: «Отчего вы не предупредили, я не обратилъ никакого вниманія на вкусъ». Если-же кто либѣ начиналъ хвалить въ его присутствіи какое нибудь кушанье, Паскаль не выносилъ этого и называлъ такое отношеніе къ ѣдѣ «чувственностью». Хотя столъ его и безъ того былъ совсемъ простъ, Паскаль находилъ его слишкомъ изысканнымъ и говорилъ: «Ѣсть для того, чтобы удовлетворить своему вкусу, дурно и непозволительно». Въ юности Паскаль любилъ сладости и возбуждающія вещества; теперь онъ не позволялъ приготовить себѣ ни соуса, ни рагу, и никакъ нельзя было уговорить его съѣсть апельсинъ. Сверхъ того, онъ ѣлъ всегда въ опредѣленномъ количествѣ, которое установилъ для себя самъ, увѣряя, что именно столько необходимо для его желудка. Какъ-бы не былъ силенъ у него аппетитъ, Паскаль не позволялъ себѣ съѣсть больше, и, обратно, даже при полной потерѣ аппетита, онъ насильно пицкалъ себя пищей,

пока не съѣдалъ установленной порціи. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ такъ мучить себя, Паскаль отвѣчалъ: «Надо удовлетворять потребностямъ желудка, а не прихотямъ языка». Не менѣе твердости обнаруживалъ Паскаль, когда приходилось проглатывать отвратительныя микстуры, бывшія тогда въ большомъ ходу. Онъ всегда безпрекословно выполнялъ предписанія медиковъ и не выказывалъ ни малѣйшаго признака отвращенія. Когда окружающіе выражали свое изумленіе, онъ смѣялся, говоря: «Не понимаю, какъ можно обнаруживать отвращеніе, когда принимаешь лекарство добровольно и если предупрежденъ о его дурномъ вкусѣ. Отвращеніе является лишь въ случаѣ насилія или неожиданности».

Въ послѣдніе годы жизни Паскаль обратилъ особое вниманіе на благотворительность.

Размышленія о помощи бѣднымъ навели Паскаля даже на одну въ высшей степени практическую мысль. Паскалю принадлежитъ честь организаціи одного изъ самыхъ дешевыхъ способовъ передвиженія. Онъ первый во Франціи, и почти во всей Европѣ, придумалъ устроить движеніе «пятикопѣчныхъ каретъ» т. е. омнибусовъ. При этомъ Паскаль имѣлъ въ виду не только удешевить для бѣдныхъ людей способы передвиженія, но и собрать сумму, достаточную для сколько-нибудь серьезной помощи нуждающимся. Въ устройствѣ этого предпріятія сказался математическій умъ Паскаля, сразу сообразившій финансовую сторону дѣла, въ успѣхъ котораго многіе отказывались вѣрить.

Мысль объ этомъ предпріятіи явилась у Паскаля по слѣдующему случаю. Въ 1662 году въ Блуа свирѣпствовалъ страшный голодъ. Въ Парижѣ были напечатаны энергическія воззванія къ благотворителямъ. Въ воззваніяхъ этихъ описывались ужасы, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. Паскаль, не будучи богатъ и не имѣя возможности послать сколько-нибудь крупной суммы голодающимъ, выработалъ планъ предпріятія, и въ концѣ января 1662 года образовалось подъ его руководствомъ общество подрядчиковъ, устроившихъ сообщеніе въ омнибусахъ по главнымъ улицамъ Парижа. Во время переговоровъ по этому дѣлу Паскаль потребовалъ, чтобы подрядчики выдали ему задатокъ въ 300 рублей, съ цѣлью немедленной отправки нуждающимся. Узнавъ объ этомъ намѣреніи Паскаля, родственники стали отговаривать, замѣчая, что дѣло еще только-что установилось, что, быть можетъ, оно дастъ одни убытки и что надо

подождать по крайней мѣрѣ слѣдующаго года. На это Паскаль возразилъ: «Не вижу здѣсь никакого затрудненія. Если будетъ убытокъ, я возьму изъ всего своего состоянія, но ждать до будущаго года никакъ нельзя, потому что нужда не ждетъ». Впрочемъ подрядчики не согласились дать впередъ, и Паскалю пришлось ограничиться отправкою небольшихъ бывшихъ у него суммъ.

Паскаль очень часто убѣждалъ свою старшую сестру посвятить себя дѣлу вспоможенія бѣднымъ и воспитать въ томъ же духѣ своихъ дѣтей. Сестра возражала, что каждый человѣкъ долженъ прежде всего заботиться о своей семьѣ. «У тебя просто недостатокъ доброй воли—возражалъ на это Паскаль. Ты могла бы сдѣлать такъ, чтобы помогать бѣднымъ, не принося этимъ вреда твоимъ семейнымъ дѣламъ». Когда Паскалю возражали, что частная благотворительность есть капля въ морѣ и что о бѣдныхъ должно заботиться общество и государство, онъ спорилъ противъ этого самымъ энергическимъ образомъ. «Мы призваны, говорилъ онъ, не къ общему, а къ частному. Самое лучшее средство облегчить нищету, это помогать бѣднымъ *бѣдно*, т. е. каждому по его силамъ, вмѣсто того чтобы задаваться широкими планами». Паскаль пояснялъ, что онъ вовсе не противникъ государственной и общественной благотворительности, но по его словамъ: «великія предпріятія должны быть предоставлены немногимъ лицамъ, къ тому назначеннымъ, тогда какъ ежедневное и постоянное вспоможеніе бѣднымъ должно быть дѣломъ и призваніемъ всѣхъ и каждаго».

Нравственная чистота Паскаля, во многихъ случаяхъ, доводила его до крайностей. По словамъ его сестры: «Просто невѣроятно, до чего онъ былъ щепетилень въ этомъ отношеніи. Я постоянно боялась сказать что нибудь лишнее: онъ умѣлъ находить предосудительное даже въ такихъ разговорахъ, которые я считала весьма невинными. Если мнѣ случалось, напр., сказать, что я видѣла гдѣ либо красивую женщину, онъ сердился, говоря, что никогда не надо вести подобныхъ разговоровъ въ присутствіи лагеевъ и молодыхъ людей, потому что нельзя знать, какія мысли могутъ у нихъ явиться при этомъ».

За три мѣсяца до смерти Паскаля съ нимъ случилось происшествіе, свидѣтельствующее о томъ, что въ глубинѣ этой аскетической души таились человѣческія чувства и порывы, которые онъ подавлялъ въ себѣ всевозможными способами.

Однажды Паскаль возвратился домой отъ обѣдни изъ церкви св. Сульпиція, какъ вдругъ къ нему подошла дѣвушка лѣтъ 15, поразительной красоты, и попросила у него милостыню. Паскаль всмотрѣлся въ нее, и имъ овладѣло чувство такой жалости, какой ему еще не приходилось испытывать. Онъ понялъ, какая опасность угрожаетъ этой нищей красавицѣ въ большомъ городѣ, полномъ соблазновъ и разврата.

— Кто ты такая и что заставило тебя просить подаванія? спросилъ Паскаль.

Дѣвушка стала говорить, что она деревенская, что отецъ ее умеръ, а мать лежитъ больная въ Отель-Дье.

Паскаль, движимый не только своими религіозными чувствами, но и чисто земнымъ чувствомъ состраданія къ молодому, прекрасному существу, повелъ дѣвушкѣ къ одному, лично ему неизвѣстному, но пользовавшемуся хорошей славой священнику, которому далъ денегъ, прося позаботиться объ этой дѣвушкѣ и тщательно беречь ее отъ всякаго зла. На другой же день онъ прислалъ къ священнику одну женщину, которой далъ денегъ на покупку дѣвушкѣ платья и всего необходимаго. Дѣвушку пріодѣли, и Паскаль пріискалъ ей мѣсто служанки въ одной хорошей семьѣ. Священникъ добивался узнать имя благодетеля, но ему сказали, что имя должно остаться неизвѣстнымъ, и лишь по смерти Паскаля сестра его разоблачила эту тайну.

Паскаля иногда упрекали въ сухости, резонерствѣ и даже въ безсердечіи, ссылаясь на то, что онъ повидимому не былъ сильно тронутъ даже смертью своей младшей сестры Жакелины, которую горячо любилъ. Жакелина умерла десятью мѣсяцами раньше Паскаля и кто знаетъ, не ускорила-ли ея смерть развязку его собственной болѣзни. Смерть Жакелины была слѣдствіемъ нервнаго потрясенія, испытаннаго ею, послѣ того какъ ее заставили подписать исповѣданіе вѣры, противное ея совѣсти. Это было въ эпоху гоненія, предпринятаго іезуитами и Дворомъ противъ яansenистовъ, когда монахинь, подозрѣваемыхъ въ яansenизмъ, нерѣдко изгоняли изъ монастырей по особому королевскому повелѣнію. Когда Паскалю сообщили о смерти младшей сестры, онъ сказалъ только: «Дай Богъ и намъ умереть такъ же хорошо». Когда старшая сестра при немъ предавалась горю по случаю ихъ общей потери, Паскаль сердился и говорилъ, что надо хвалить Бога за то, что онъ такъ хорошо вознаграждаетъ за малыя услуги, ему оказанныя. Этого однако едва-ли

достаточно для того, чтобы сдѣлать выводъ о безсердечіи Паскаля. Паскаль очевидно дѣлалъ усилія надъ самимъ собою, чтобы подавить или по крайней мѣрѣ измѣнить въ себѣ всѣ чело-вѣческія привязанности, давъ имъ направленіе согласное, по его мнѣнію, съ самой чистой христіанской моралью. Есть факты, доказывающіе, что такая внутренняя ломка обошлась самому Паскалю весьма дорого и что въ немъ иногда ошибались даже самые близкіе къ нему люди. Вотъ что пишетъ объ этомъ его старшая сестра, говоря еще о томъ времени, когда была жива младшая, лучше всѣхъ знавшая брата и умѣвшая понимать его уже по чрезвычайной родственности его натуры съ ея собственною:

«Онъ не только самъ не хотѣлъ быть привязаннымъ къ другимъ—пишетъ Жильберта—но не допускалъ и того, чтобы другіе къ нему привязывались. Не зная этого, я иногда изумлялась и говорила сестрѣ, жалуясь, что братъ меня не любитъ и что повидимому я причиняю ему неудовольствіе, даже когда самымъ ласковымъ образомъ ухаживаю за нимъ во время его болѣзней. Сестра говорила мнѣ, что я ошибаюсь, что она знаетъ противное, что братъ любитъ меня такъ сильно, какъ только я могу этого желать. Вскорѣ я и сама въ этомъ убѣждалась, такъ какъ, едва представлялся малѣйшій случай, когда я нуждалась въ какой либо помощи брата, онъ спѣшилъ оказать ее съ такою заботливостью и любовью, что не могло быть сомнѣнія насчетъ его сильнаго чувства ко мнѣ».

Тѣмъ не менѣе отношенія брата къ окружающимъ часто казались сестрѣ загадочными. Лишь по смерти Паскаля она разгадала тайну, когда прочла небольшую записку, написанную имъ для самого себя. Оказалось, что Паскаль добивался всѣми силами того, чтобы никто не могъ чувствовать къ нему привязанности. «Не слѣдуетъ, писалъ онъ, чтобы кто либо полюбилъ меня, хотя бы это было влеченіе вполне добровольное и пріятное. Я обману ожиданія тѣхъ, въ комъ явится подобное желаніе, такъ какъ я—конецъ личности и я не могу никого удовлетворить. Развѣ я не готовъ умереть? И такъ, предметъ ихъ привязанности умереть. Было-бы нечестно съ моей стороны заставить повѣрить какой либо лжи, хотя-бы я убѣждалъ кого-либо въ этой лжи самымъ нѣжнымъ образомъ и хотя-бы мнѣ повѣрили съ удовольствіемъ и хотя-бы я самъ при этомъ слы-

такъ чувство удовольствія. Было-бы нечестно поэтому, еслибы я побудилъ кого либо любить меня. Если я содѣйствую тому, что люди ко мнѣ привязываются, я долженъ предупредить тѣхъ, кто готовъ повѣрить этой лжи, чтобы они не вѣрили мнѣ. Въмѣсто того, чтобы привязываться ко мнѣ, пускай стараются угодить Богу».

Кажется, въ этой исповѣди слѣдуетъ искать истинной психологической разгадки тѣхъ отношеній, которые установились въ послѣдніе годы жизни Паскаля между нимъ и дѣвицею Роанезъ, удалившейся въ портъ-рояльскій женскій монастырь. Паскаль оказалъ по истинѣ роковое вліяніе на судьбу этой несчастной дѣвушки.

Пока онъ былъ живъ, сестра герцога Роанеза всецѣло подчинялась его руководству. Къ сожалѣнію, не сохранилось ея писемъ къ Паскалю; впрочемъ они вѣроятно были написаны въ томъ-же благочестивомъ духѣ, который господствуетъ въ посланіяхъ къ ней Паскаля. Изображеніе истинныхъ чувствъ Паскаля къ этой аристократкѣ слѣдуетъ искать не въ письмахъ, а въ «Мысляхъ» Паскаля. Въ одномъ мѣстѣ «Мыслей» онъ говоритъ: «Одинокій человѣкъ есть вѣчто несовершенное, онъ долженъ отыскать другого, чтобы быть вполне счастливымъ. Часто онъ ищетъ равнаго себѣ по положенію. Но иногда бываетъ и такъ, что смотрятъ выше себя и чувствуютъ, что пламень разгорается, не смѣя сказать объ этомъ той, которая возбудила его! Когда любишь женщину выше себя по положенію, въ началѣ къ любви иногда присоединяется честолюбіе; но вскорѣ любовь беретъ верхъ надъ всѣмъ. Это тиранъ, который не терпитъ товарищей: онъ желаетъ быть однимъ, всё страсти должны ему подчиниться».

Подъ вліяніемъ Паскаля дѣвица Роанезъ еще въ 1657 году вступила въ Портъ-Рояль послушницей, убѣжавъ для этого тайкомъ отъ матери. Она дала обѣтъ дѣвства, но не успѣла постричься, потому что родственники ея добились кабинетскаго указа короля (*lettre de sachel*), вынудившаго дѣвицу Роанезъ возвратиться къ своей семьѣ. Здѣсь она прожила до самой смерти Паскаля въ уединеніи, чуждаясь свѣта и переписываясь съ Паскалемъ, его сестрами и аббатомъ Сенгленомъ, духовнымъ руководителемъ Паскаля. По смерти Паскаля, въ 1667 году, эта несчастная дѣвушка рѣшилась наконецъ снять съ себя обѣтъ дѣвства и вышла замужъ за герцога де Фейльады. Янсенисты

предали ее анаемѣ; ея бракъ называли «надсиѣмъ», и эта благородная женщина, нѣжная мать и образцовая жена стала жертвою фанатизма. Ее мучили вѣчныя угрызенія совѣсти, и она сказала однажды, что предпочла-бы быть паралитичною больною въ портъ-рояльской больницѣ, чѣмъ жить въ довольствѣ среди своей семьи. Изъ ея дѣтей одни поумирали въ раннемъ дѣтствѣ, другіе были карликами или уродами. Единственный сынъ ея, дожившій до преклоннаго возраста, не оставилъ потомства и сама она умерла отъ рака въ груди. Можно смѣло сказать, что любовь Паскаля принесла ей одни несчастія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Паскаль удивлялъ всѣхъ своей незлобивою, дѣтскою покорностью и необычайной кротостью. Задолго до Льва Толстого онъ осуждалъ всякое противленіе злу насиліемъ. Отлично сознавая зло тогдашней политической системы, онъ однако рѣзко осуждалъ фронтъ и говорилъ, что междусобная война есть величайшій грѣхъ, какой только можно совершить по отношенію къ ближнимъ. Самъ Паскаль обрисовалъ себя слѣдующимъ образомъ: «Я люблю бѣдность, потому что ее любилъ Христосъ. Я люблю богатства, потому что они даютъ возможность помогать несчастнымъ. Я вѣренъ всѣмъ. Я не воздаю зломъ за зло, но желаю всѣмъ такого состоянія, каково мое, когда отъ людей не испытываешь ни зла, ни добра. Я стараюсь быть справедливымъ, искреннимъ, я питаю нѣжныя чувства къ тѣмъ, кого Богъ соединилъ со мною болѣе тѣснымъ образомъ».

Отличаясь природною живостью характера, Паскаль часто сердился и выражалъ нетерпѣніе; но какъ только замѣчалъ это за собою, онъ сразу становился кротокъ: «Это ребенокъ; онъ покоренъ, какъ дитя» — говорилъ о немъ священникъ Беррье. За два мѣсяца до смерти Паскаль сталъ страдать совершенной потерей аппетита и почувствовалъ упадокъ силъ. Въ это время у Паскаля помѣстился одинъ бѣдный человѣкъ съ женою и всѣмъ хозяйствомъ. Паскаль далъ этому человѣку комнату и отопленіе, но не пользовался ни отъ него, ни отъ его жены никакими услугами, а сдѣлалъ это прямо изъ состраданія къ бѣдному семейству. Когда родственники Паскаля выговаривали ему за такого рода благотворительность, онъ возражалъ: «Какъ-же вы говорите, что я не пользуюсь никакими услугами этихъ людей. Мнѣ было-бы весьма непріятно оставаться совсѣмъ одному, а теперь я не одинъ».

Между тѣмъ сынъ принятаго Паскалемъ человѣка заболѣлъ оспой. Къ Паскалю часто приходила его старшая сестра, такъ какъ, будучи боленъ, онъ не могъ обойтись безъ ея услугъ. Паскаль побоялся, что сестра заразить своихъ дѣтей оспой: такъ или иначе ему надо было разстаться съ принятою къ себѣ въ домъ семьею. Но Паскаль не рѣшился удалить больного мальчика и хотя самъ былъ боленъ, рассуждалъ такъ: «Болѣзнь мальчика опаснѣе моей и я старше его, а потому легче вынесу переѣмку мѣста». 29 июня Паскаль оставилъ свой домъ, чтобы болѣе туда не возвращаться.

Онъ поселился въ домъ сестры, на улицѣ Сентъ-Этьеннь, въ маленькомъ флигелькѣ, гдѣ была комната съ двумя заставленными желѣзною рѣшеткой окнами.

Черезъ три дня послѣ этого переѣзда, Паскаль почувствовалъ жестокія колики, лишившія его сна. Но обладая поразительною силою воли, онъ выносилъ страданія безропотно, самъ принималъ лекарства и не позволялъ оказать себѣ ни малѣйшей лишней услуги. Врачи говорили, что нульъ больного хорошъ, лихорадки нѣтъ и ни малѣйшей опасности по словамъ ихъ не было. Однако на четвертый день колики до того усилились, что Паскаль велѣлъ послать за священникомъ и исповѣдался. Слухъ объ этомъ вскорѣ распространился между его друзьями, и многіе явились посѣтить больного. Даже врачи наконецъ переполошились и одинъ изъ нихъ сказалъ, что не ожидалъ отъ Паскаля такой мнительности. Это замѣчаніе разсердило Паскаля. Я хотѣлъ причаститься, сказалъ онъ, но васъ удивило, что я исповѣдался. Боюсь удивить васъ еще болѣе и лучше отложу».

Врачи продолжали настаивать, что болѣзнь не опасна. И дѣйствительно наступило какъ-бы временное облегченіе, такъ что Паскаль сталъ немного ходить. Тѣмъ не менѣе Паскаль сознавалъ опасность и исповѣдывался нѣсколько разъ. Онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ большую часть имущества завѣщалъ бѣднымъ.

— Будь твой мужъ въ Парижѣ, сказалъ онъ сестрѣ, я завѣщалъ-бы бѣднымъ все, такъ какъ увѣренъ въ его согласіи». Затѣмъ, подумавъ, прибавилъ: «Откуда происходитъ, что я никогда ничего не сдѣлалъ для бѣдныхъ, хотя всегда любилъ ихъ?»

Сестра возразила:

— Но у тебя никогда не было большого состоянія и не изъ чего было давать.

— Нѣтъ, сказалъ Паскаль, если у меня не было состоянія, я долженъ былъ отдавать свое время и трудъ, а я не дѣлалъ этого. Если врачи правы и я оправлюсь отъ этой болѣзни, я твердо рѣшился посвятить весь остатокъ моей жизни бѣднымъ.

Знакомые Паскаля удивлялись терпѣнію, съ которымъ онъ выносилъ жесточайшія боли.

— Я боюсь выздороветь, отвѣчалъ на это Паскаль, потому что знаю опасности здоровья и преимущества болѣзни.

Когда о немъ жалѣли, Паскаль возражалъ:

— Не жалѣйте, болѣзнь есть естественное состояніе христіанина, потому что онъ долженъ страдать, долженъ лишать себя всякихъ благъ и чувственныхъ удовольствій.

Врачи велѣли Паскалю пить минеральныя воды, но 14 августа онъ почувствовалъ жесточайшую головную боль и рѣшительно потребовалъ священника.

— Моей болѣзни никто не видитъ, сказалъ онъ, а потому всѣ обманываются: моя головная боль представляетъ нѣчто необыкновенное.

Это была чуть-ли не первая его жалоба на свои страданія; но врачи возражали, что головная боль происходитъ «отъ паровъ воды» и что это скоро пройдетъ. Тогда Паскаль сказалъ:

— Если мнѣ не хотятъ оказать этой милости и причастить меня, я замѣню причащеніе каинимъ либо добрымъ дѣломъ. Я прошу васъ отыскать какого-нибудь бѣднаго больного и нарочно нанять для него на мой счетъ сидѣлку, которая ухаживала-бы за нимъ точно также, какъ за мной. Я хочу, чтобъ между нмъ и мною не было ни малѣйшей разницы, потому что когда я подумаю о томъ, что за мною такъ ухаживаютъ, и что есть множество бѣдныхъ, болѣе страдающихъ, чѣмъ я, и нуждающихся въ самомъ необходимомъ, эта мысль заставляетъ меня страдать невыносимо.

Сестра Паскаля тотчасъ послала къ священнику, спрашивая, нѣтъ-ли какого-нибудь больного, котораго можно было-бы принести? Такого не нашлось; тогда Паскаль потребовалъ, чтобы его самого понесли въ больницу неизлечимо больныхъ.

— Я хочу умереть среди бѣдныхъ, сказалъ онъ.

Сестра возразила, что врачи воспротивятся его желанію; это чрезвычайно разсердило Паскаля. Больного только успокоили обѣщаніемъ, что его перенесутъ, когда ему станетъ немного легче.

Между тѣмъ головная боль причиняла Паскалю адскія муки. 17 августа онъ попросилъ консилиума врачей, но прибавилъ: — Боюсь, что я слишкомъ затрудняю этой просьбой.

Врачи велѣли больному пить сыворотку, утверждая, что его болѣзнь есть «мигрень, соединенная съ сильными парами воды».

Но Паскаль не повѣрилъ, и даже сестра увидѣла, что брату очень худо. Не говоря ему ни слова, она послала за свѣчами и вѣемъ, что требуется для причащенія и соборованія.

Около полуночи съ Паскалемъ сдѣлались конвульси; когда онѣ прекратились, онъ лежалъ какъ мертвый. Въ это время явился священникъ, который, входя въ комнату, громко воскликнулъ: «вотъ тотъ, кого вы такъ желали». Это восклицаніе привело Паскаля въ сознаніе; онъ сдѣлалъ усиліе и привсталъ. Причащаясь, онъ обливался слезами. Последними словами Паскаля были: «Пусть Богъ никогда меня не оставляетъ».

Конвульси возобновились, онъ потерялъ сознаніе и послѣ суточной агоніи умеръ 19 августа 1662 года, 39 лѣтъ отъ роду.

Вскрытіе тѣла Паскаля доказало пораженіе оболочекъ мозга и органовъ пищеваренія. Внутренности были поражены гангренознымъ воспаленіемъ; черепъ оказался почти безъ всякихъ швовъ, исключая стрѣлочнаго шва: это состояніе черепа вѣроятно и было причиною постоянныхъ головныхъ болей, которыми Паскаль страдалъ съ 18 лѣтняго возраста. На темени былъ родъ костяного нароста, отъ вѣчнаго шва не осталось ни слѣда. Мозгъ былъ чрезвычайно великъ, весьма тяжелъ и плотенъ. На внутренней сторонѣ черепа, противъ мозговыхъ желудочковъ, были два углубленія, какъ-бы отпечатки пальцевъ, наполненные створоженной кровью и гнойной матеріей. Въ твердой оболочкѣ мозга началось гангренозное воспаленіе.

Паскаль былъ погребенъ въ церкви св. Этьенна. Г-жа Жанлисъ въ своихъ мемуарахъ увѣряетъ, что герцогъ Орлеанскій нуждаясь въ скелетѣ для своихъ алхимическихъ опытовъ, велѣлъ вырыть кости Паскаля. Эту басню повторилъ Мишле въ своей «Исторіи революціи», но, какъ теперь вполне доказано, она составляетъ плодъ фантазіи остроумной писательницы.

Х.

Философія Паскаля.

Паскаль не оставилъ послѣ себя ни одного цѣльнаго философскаго трактата, тѣмъ не менѣе, въ исторіи философіи онъ занимаетъ вполне опредѣленное мѣсто. Его міросозерцаніе, кажется, всего точнѣе можетъ быть опредѣлено названіемъ *христіанскаго скептицизма*. Въ исторіи христіанства Паскаль играетъ такую-же роль, какъ авторъ «Экклезіаста» въ исторіи іудейства и Пирронъ въ классическомъ мірѣ.

Во всемъ, что касается христіанскаго ученія, Паскаль—искренно и безусловно вѣрующій. Онъ не допускаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній ни относительно догмы, ни касательно чудесъ и другихъ внѣшнихъ проявленій христіанства. Во всемъ остальномъ онъ полный скептикъ. Паскаль готовъ сомнѣваться и въ силѣ человѣческаго разума, и въ значеніи матеріальныхъ благъ, и въ достоинствѣ человѣческихъ учрежденій.

«Мысли» Паскаля часто сопоставляли съ «Опытами» Монтэня и съ философскими сочиненіями Декарта. У Монтэня Паскаль заимствовалъ нѣсколько мыслей, передавъ ихъ по своему и выразивъ ихъ своимъ сжатымъ, отрывочнымъ, но въ то же время образнымъ и пламеннымъ слогомъ; съ Декартомъ Паскаль согласенъ лишь по вопросу объ автоматизмъ, да еще въ томъ, что признаетъ, подобно Декарту, наше сознаніе непреодолимымъ доказательствомъ нашего существованія. Но исходная точка Паскаля и въ этихъ случаяхъ отличается отъ Декартовской. «Я мыслю, стало быть—существую», говоритъ Декартъ. «Я сочувствую ближнимъ, стало быть я существую и не только матеріально, но и духовно», говоритъ Паскаль. У Декарта божество есть не болѣе какъ внѣшняя сила; для Паскаля божество есть начало любви, въ одно и тоже время внѣшнее и присутствующее въ насъ. Паскаль насмѣхался надъ Декартовскимъ понятіемъ о божествѣ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ надъ его «тончайшей матеріей». «Не могу простить Декарту, гово-

риль Паскаль, что, признавая божественное начало, онъ въ то же время прекрасно обходится безъ этого начала. Декартъ призываетъ божество лишь для того, чтобы дать толчокъ міровому порядку, и затѣмъ прячетъ его неизвѣстно куда».

Скептицизмъ Паскаля коренится прежде всего въ его воззрѣніяхъ на ничтожество умственныхъ и физическихъ силъ человѣка. Приводимые имъ аргументы представляютъ странную смѣсь опоэтизированныхъ математическихъ опредѣленій съ библейскими и классическими образами и сравненіями. Философъ постоянно призываетъ на помощь геометра, богослова и даже поэта.

Математическіе образы постоянно господствуютъ надъ умомъ Паскаля. Желаетъ-ли онъ изобразить необъятность вселенной, — онъ повторяя мысли средневѣковыхъ писателей. Выражаетъ ихъ въ сжатой и сильной геометрической формѣ. Вселенная есть «безконечный шаръ, котораго центръ вездѣ, а окружность — нигдѣ». Стараются-ли онъ доказать ничтожество человеческой жизни и убѣдить насъ, что для него совершенно безразлично, продлится-ли наша жизнь на десять лѣтъ болѣе или нѣтъ — онъ поясняетъ свою мысль въ строго-математической формѣ: «Въ виду безконечныхъ величинъ, всѣ конечныя равны между собою». Желаетъ-ли онъ убѣдить насъ въ необходимости вѣры въ божество, Паскаль прибѣгаетъ къ своей теоріи вѣроятностей, оцѣниваетъ разныя гипотезы точно такъ-же, какъ игрокъ оцѣниваетъ партію.

Паскаль предлагаетъ намъ биться объ закладъ и говорить, что утверждающій существованіе божественнаго начала смѣло можетъ поставить на карту все, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, ничего не проиграетъ и все выиграетъ.

Даже при описаніи атрибутовъ божества, Паскаль хотя и утверждаетъ ихъ непостижимость, пытается дать математическія сравненія. Такъ напр., чтобы доказать возможность вездѣсущаго существа, онъ говоритъ: представьте себѣ точку, движущуюся съ безконечною скоростью. Въ XI главѣ «Мыслей» Паскаль слѣдующимъ образомъ выражается о непознаваемости божества:

«Единица, прибавленная къ безконечности, нисколько ея не увеличиваетъ. Конечное уничтожается въ присутствіи безконечнаго и становится чистымъ ничтожествомъ. Такъ и нашъ умъ передъ божествомъ, такъ и наша справедливость передъ божественной справедливостью. Мы знаемъ, что *есть* безконечное, но не

знаемъ его природы. Мы знаемъ, что ложно утвержденіе, будто рядъ чиселъ конеченъ. Стало-быть есть безконечное число; но мы не знаемъ, какое это число. Оно не можетъ быть ни четнымъ, ни нечетнымъ, такъ какъ, присоединяя къ нему единицу, мы не измѣняемъ его природы». «Мы познаемъ не только существованіе, но и природу конечнаго, такъ какъ мы сами конечны и протяженны. Мы знаемъ существованіе безконечнаго, но не его природы, потому что, имѣя, подобно намъ, протяженіе, оно не имѣетъ границъ. Но мы не можемъ познать разумомъ ни существованія, ни природы божества, потому что оно не имѣетъ ни протяженія, ни границъ».

Такимъ образомъ, задолго до Канта, Паскаль понялъ невозможность доказать существованіе божества какими-бы то ни было физическими или метафизическими доказательствами. Но въ то время какъ Кантъ искалъ недостающихъ доказательствъ въ области нравственной, Паскаль полагалъ, что единственное возможное доказательство даетъ вѣра. «Мы знаемъ существованіе божества посредствомъ вѣры, говоритъ Паскаль, а природу его—посредствомъ его славы», выражающейся въ жизни праведниковъ. Конечно и тутъ есть моральное начало, но оно играетъ у Паскаля далеко не первую и не исключительную роль.

Ссылаясь на св. Павла, Паскаль говоритъ, что христіанъ нельзя упрекать въ томъ, что они не могутъ дать въ пользу своей вѣры никакихъ разумныхъ доводовъ. Вѣдь христіане, говоритъ Паскаль, сами заявляютъ, что вѣрять въ вещи, которыя могутъ показаться нелѣпостью (*stultitia*, I Посл. св. Павла къ Коринт. гл. I).

По словамъ Паскаля, каждый человекъ вынужденъ избрать одну изъ гипотезъ: либо есть божественное начало, либо его нѣтъ. «Надо биться объ закладъ, говоритъ онъ. Это не зависитъ отъ вашей воли, вы вынуждены дѣлать выборъ. Если надо выбирать, посмотримъ, что васъ менѣе интересуетъ. Вы можете проиграть двѣ вещи—истину и добро (если божества нѣтъ). Взвѣсимъ потерю и прибыль». И затѣмъ Паскаль пытается доказать, что въ виду возможности безконечно большой прибыли можно смѣло поставить на карту все.

Но какъ поступить, если разумъ отказывается подчиниться вѣрѣ?

Левъ Толстой далъ-бы намъ совѣтъ «опроститься»; Паскаль раньше его далъ подобный-же совѣтъ, но выразился гораздо

искреннѣе, смѣлѣе и энергичнѣе. Паскаль совѣтуетъ намъ поглубѣть (abêtir), что конечно нельзя понять въ буквальномъ смыслѣ, какъ сдѣлалъ французскій философъ Кузенъ, который съ видомъ умнаго человѣка прочелъ Паскалю за этотъ совѣтъ весьма строгій выговоръ. Паскаль очевидно желаетъ выразить своимъ совѣтомъ, что, по его мнѣнію, область вѣры должна быть совершенно отдѣлена отъ области разума, который—такъ думаетъ Паскаль—вторгается въ области, совершенно ему несвойственныя. Ни Давидъ, ни Соломонъ, по словамъ Паскаля, не разсуждали такимъ образомъ: «Пустота существуетъ, стало быть есть Богъ». Физика и даже математика безсильны въ вопросахъ вѣры. «Вмѣсто исканія новыхъ доказательствъ существованія божества, пишетъ Паскаль, работайте надъ уменьшеніемъ вашихъ страстей». Съ этою цѣлью Паскаль совѣтуетъ, даже подчинить себя вѣшной дисциплинѣ, напр. строго соблюдать обряды, что онъ дѣлалъ и самъ въ концѣ своей жизни. «Разумѣется, это заставитъ васъ поглубѣть», говоритъ Паскаль.— Но я этого и боюсь, — скажете вы.— «Почему? — спрашиваетъ Паскаль. Что вы потеряете? Вы станете честнымъ, вѣрнымъ, благотворительнымъ, благодарнымъ, искреннимъ, правдивымъ».

Такимъ образомъ, въ области положительной Паскаль не могъ придумать ничего, кромѣ подчиненія разума вѣрѣ и обузданія страстей. Но таковъ ужъ неизбѣжный результатъ всякаго мистицизма.

Что касается скептическаго отношенія Паскаля ко всему, стоящему внѣ предметовъ вѣры, оно въ высшей степени замѣчательно, какъ критика человѣческаго разума и всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Все ему кажется суетнымъ и ничтожнымъ, все, кромѣ человѣческой мысли, по скольку она является отраженіемъ божества. «Пусть, говоритъ онъ, человѣкъ созерцаетъ природу во всемъ ея возвышенномъ и полномъ величій. Пусть онъ удалитъ свои взоры отъ окружающихъ его низкихъ предметовъ, пусть взглянетъ на это ослѣнительное свѣтило, поставленное, какъ вѣчный свѣточъ, для освѣщенія вселенной; пусть земля представится ему точкой... Нашъ взоръ останавливается, но воображеніе идетъ далѣе. Весь этотъ видимый міръ есть лишь незамѣтная черточка на пышномъ лонѣ природы... Что такое человѣкъ въ природѣ? Ничто по сравненію съ безконечнымъ, все по сравненію съ ничтожно-малымъ: среднее между ничѣмъ и всѣмъ».

Иногда сужденія Паскаля о человѣческомъ ничтожествѣ блещутъ горькимъ юморомъ, напоминающимъ Шопенгауэра.

Все, чѣмъ люди наслаждаются, все, что составляетъ ихъ гордость, предметъ честолюбія и ненасытныхъ стремленій, все это, говоритъ Паскаль, не болѣе, какъ плодъ нашего воображенія. Безъ помощи удивительной способности къ самообольщенію и къ одурачиванью другихъ людей, никакія богатства земли не доставили-бы ни славы, ни видимаго благополучія.

«Наши судьи, говоритъ Паскаль, отлично поняли этотъ секретъ. Ихъ красныя мантии, ихъ горностаи, палаты, въ которыхъ они судятъ, вся эта торжественная внѣшность была крайне необходима. Если-бы у лекарей не было мантий и у докторовъ ихъ четырехугольныхъ колпаковъ, они не могли-бы такъ дурачить людей, какъ они теперь это дѣлаютъ... Наши короли не одѣваютъ слишкомъ пышныхъ одеждъ; но за ними слѣдуетъ стража съ алебардами; всѣ эти трубы и барабаны, войска, окружающія ихъ, все это приводитъ въ трепетъ даже храбраго. Надо имѣть слишкомъ очищенный разумъ, чтобы считать такимъ же человѣкомъ, какъ всѣ, великаго падишаха, окруженнаго сорока тысячами янычаръ... Если-бы врачи дѣйствительно умѣли, лечить, они не нуждались-бы въ колпакахъ: величіе науки было-бы само по себѣ достойно уваженія».

Не менѣе скептически относится Паскаль ко всевозможнымъ человѣческимъ профессіямъ. «Случай, говоритъ онъ, дѣлаетъ людей каменьщиками, воинами, кровельщиками. Военные говорятъ: только война настоящее дѣло, всѣ штатскіе бездѣльники... Привычка побѣждаетъ природу... Иногда однако природа беретъ верхъ, и вмѣсто солдата или каменьщика мы видимъ просто человѣка».

Точно также ничтожны и нелѣпы, по мнѣнію Паскаля, всѣ привычки, обычаи и прочія различія, создаваемыя климатомъ, политическими границами, эпохою. Въ разсужденіяхъ Паскаля по этому поводу мы уже видимъ предвѣстіе философскихъ ученій XVIII вѣка, онъ иногда говоритъ почти языкомъ Руссо. Вмѣсто постоянного и прочнаго начала справедливости, говоритъ Паскаль, мы видимъ фантазіи и капризы персовъ и нѣмцевъ». «Три градуса широты опрокидываютъ всю юриспруденцію, меридіанъ рѣшаетъ сущность истины; вступленіе Сатурна въ созвѣздіе Льва обозначаетъ начало такого-то преступленія. Хороша спра-

ведливость, ограниченная рѣкой! Истина по эту сторону Пиринеевъ, ложь—по ту сторону».

Разбойникъ, прелюбодѣй, отцеубійца, все въ свое время и въ своемъ мѣстѣ считались людьми добродѣтельными. Можеть-ли быть что либо нелучше того, что другой человекъ имѣеть право убить меня, потому что онъ живетъ по ту сторону рѣки и потому что его князь поссорился съ моимъ, хотя у меня съ нимъ самимъ нѣтъ никакой ссоры? Безъ сомнѣня, существуютъ естественные законы; но нашъ прекрасный извращенный разумъ испортилъ все. А между тѣмъ, какъ безсиленъ этотъ разумъ! Не надо пушечнаго выстрѣла для того, чтобы прервать ходъ нашихъ мыслей, достаточно шума точильнаго колеса. Не удивляйтесь тому, что этотъ человекъ плохо разсуждаетъ: муха жужжитъ надъ его ухомъ. Хорошъ владыка вселенной! О комичнѣйшій герой!

Что такое человѣческія удовольствія? Причины новыхъ несчастій, новыхъ страданій. «Когда я, говоритъ Паскаль, размышляю иной разъ о тревогахъ людей, объ опасностяхъ и несчастіяхъ, которымъ они себя подвергаютъ, я часто говорю, что все человѣческія бѣдствія происходятъ отъ одной вещи, а именно отъ того, что люди не умѣють спокойно сидѣть въ комнатѣ. Человекъ, имѣющій достаточно, чтобы прожить, умѣй онъ оставаться у себя дома, не отправился-бы на море или на войну». Но когда я, найдя источникъ нашихъ несчастій, пытаюсь открыть причину, почему люди подвергаютъ себя всему этимъ бѣдствіямъ, я увидѣлъ, что тутъ есть и нѣкоторое дѣйствительное благо... Вообразимъ себѣ самое лучшее положеніе, напр. положеніе короля. Если у него нѣтъ равлеченій и разнообразія, самая благополучная съ нашей точки зрѣнія жизнь скоро ему опротивѣеть. Онъ станетъ думать о заговорахъ, возстаніяхъ, о смерти и въ концѣ концовъ станетъ несчастіе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, имѣющаго возможность разнообразить свою жизнь. Отсюда всеобщая страсть къ развлеченіямъ. Вотъ почему ищутъ игры, женщинъ, войны, крупныхъ должностей. Ни одинъ охотникъ не охотится за зайцемъ ради зайца. Если-бы ему дали этого зайца даромъ, онъ не взялъ-бы его. Люди ищутъ шума и возни, отвлекающей ихъ отъ мыслей о ничтожествѣ нашего существованія. Вся жизнь проходитъ такимъ образомъ: мы ищемъ покоя, преодолевая препятствія, но какъ только преодолѣли ихъ, покой становится для насъ невы-

носимъ. Человѣкъ такъ несчастенъ, что скучаетъ даже безъ всякой причины, просто по своей комплекціи, и онъ такъ тщеславенъ и мелоченъ, что когда есть тысячи причинъ скуки и тоски, какой-нибудь пустякъ, вродѣ бильярднаго шара, можетъ развлечь его. Вѣдь онъ завтра будетъ хвастать въ обществѣ друзей, что игралъ лучше своего противника. Что значитъ быть канцлеромъ, министромъ и т. п.? Это значитъ быть въ такомъ положеніи, когда съ утра до вечера въ передней и въ кабинетѣ толкуются толпы людей, пріятствующія счастливцу думать о самомъ себѣ. Пусть онъ выйдетъ въ отставку, сохранивъ все свои богатства или даже получивъ болѣе прежняго, онъ будетъ несчастнымъ и покинутымъ, потому что никто теперь не мѣшаетъ ему думать о самомъ себѣ».

Въ концѣ концовъ, что такое человѣкъ? Мы не знаемъ, ни что такое тѣло, ни что такое духъ; еще менѣе мы знаемъ, какимъ образомъ духъ можетъ сочетаться съ тѣломъ. Что-же такое человѣкъ—этогъ суля всѣхъ вещей, глупый земной червь, сосудъ истины, клоака заблужденій, слава и позоръ вселенной? Ни ангелъ, ни животное... Вся жизнь, вся философія зависятъ отъ вопроса: смертна-ли наша душа или бессмертна? «Можно, говорить Паскаль, не развивать систему Коперника, но вопросъ о бессмертіи души непременно долженъ быть рѣшенъ въ томъ или другомъ смыслѣ». А между тѣмъ есть философы, строящіе свои системы совершенно независимо отъ этого вопроса. Поразительно, говорить Паскаль, до чего доходить равнодушіе многихъ людей въ этомъ случаѣ. «Мы подобны путешественникамъ на пустынномъ островѣ или же обремененнымъ цѣнями преступникамъ, которые ежедневно, съ полнымъ равнодушіемъ смотрятъ на то, какъ убиваютъ одного изъ ихъ товарищей, зная, что придетъ и ихъ чередъ. Что подумать о приговоренномъ къ смерти, который, располагая лишь часомъ для подачи просьбы о помилованіи, и зная, что онъ навѣрное можетъ добиться помилованія, проведетъ этотъ часъ за игрою въ пикетъ? Вотъ нашъ портретъ. Кто можетъ вывести насъ изъ этого хаоса? Ни скептики, ни философы, ни догматики ничего не могли сдѣлать. Скептикъ не можетъ сомнѣваться во всемъ, напр. когда его колютъ или обжигаютъ; наконецъ онъ не можетъ сомнѣваться въ своемъ сомнѣніи. Догматикъ строитъ башню до небесъ, но она обрушивается, и подъ ногами раз-

верзается бездна. Разумъ стало-быть безсиленъ. Только сердце, только вѣра и любовь могутъ вывести насъ изъ этой пучины.

Такова, въ общихъ чертахъ, краснорѣчивая аргументація Паскаля, приведшая его отъ скептицизма къ вѣрѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать ученіе Паскаля. Достаточно замѣтить, что всѣ тѣ проявленія любви къ ближнему, о которыхъ говоритъ Паскаль, ни мало не противорѣчатъ велѣніямъ разума и нисколько не исключаютъ разума. Нѣтъ никакой необходимости послѣдовать совѣту Паскаля и «поглупѣть», подвергнувъ себя рекомендуемой имъ дисциплинѣ, для того чтобы имѣть возможность быть честнымъ, правдивымъ, искреннимъ и благотворительнымъ. Напротивъ того, разумъ даетъ болѣе правильное примѣненіе высокимъ нравственнымъ качествамъ. Если даже, вслѣдъ за Паскалемъ, признать безсиліе разума и считать нашу умственную дѣятельность столь же автоматичною, какъ передвиженіе колесъ въ арифметической машинѣ Паскаля, то и это ни мало не служитъ доказательствомъ несовмѣстимости разума съ *моральною* стороною христіанскаго ученія. Что же касается той стороны, которая такъ привлекла Паскаля, особенно со времени увѣрованія имъ въ чудо святого тернія, то именно объ ней слѣдуетъ сказать, что она связана съ вопросами нравственности лишь случайнымъ и внѣшнимъ образомъ: поэтому можно быть весьма различныхъ мнѣній по этому рода вопросамъ и держаться совершенно одинаковыхъ взглядовъ относительно человѣческой морали.

За Паскалемъ исторія философіи должна однако признать ту заслугу, что онъ поставилъ вопросы прямѣе, искреннѣе и талантливѣе, чѣмъ большинство писавшихъ въ томъ же духѣ; что у него слово не расходилось съ дѣломъ, и вся его жизнь была точнымъ воплощеніемъ его идей. Если у него были слабости и заблужденія, то онъ искупилъ ихъ годами тяжелыхъ нравственныхъ и физическихъ страданій. Безпощадный обличитель іезуитскаго лицемерія и фарисейства, онъ однимъ этимъ заслужилъ мѣсто въ исторіи человѣческаго развитія, не говоря уже о его гениальныхъ научныхъ трудахъ.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ,

издаваемая Ф. Павленковымъ.

Въ составъ ея вошли пока (декабрь 1891 г.), слѣдующія книги:

Ручной трудъ. Сост. *Груфиньи*. Домашн. занит. ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Электрическіе звонки** *Воттона*. Съ кратк. свѣдѣн. о воздушн. звонкахъ. Съ 144 рис. Пер. съ англ. и дополн. *Д. Головог*, ц. 1 р.—**Руководство къ рисованію анатоміи**. *А. Кассаня*. Съ 150 рис., ц. 1 р. 50 к. **На всякій случай!** *А. Альмедигени*. Научно-практич. советы по поведовству, садоводству, огородничеству и домоводству, а также по борьбѣ съ вредн. насеком., грибами и поразитами, Дѣлъ части. ц. каждой 50 к.—**Домашній опредѣлитель поддѣлокъ**. *А Альмедигени*, ц. 60 к.

Популярно-научныя книги.

Законы подражанія. *Тарда*. Переводъ съ француз. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедигени*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практич. советы сельск. хозяевамъ *А. Альмедигени*. Ц. 50 к.

На всякій случай! *А. Альмедигени*. Ч. 2-я Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нилейера*. Съ 80 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигиена въ примѣненіи къ обыден. жизни д-ра *Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далла*. Перев. съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферриера*. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Врѣа*. Дополн. къ его сочин. „Жизнь животныхъ“. Съ мног. рис. Ц. 2 р.

Первобытныя люди. *Дейбера*. Перев. съ франц. и дополн. *М. Энгелгардта*. Съ ми. рис. Ц. 1 р.

Фабричная гигиена. *В. В. Святловскаго*. 710 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Огородничество. Практ. настав. для народа. учителей. *Ф. Шублера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Популяр. руковод. для повѣрки часовъ безъ помощи часовъ. и для устройств. солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Книжка эта одобр. Акад. Научъ. Ц. 30 к.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Физиологія души. *А. Герцена*, профес. Лозинскаго универс. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Мірѣ грезъ. Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, яллюзія. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Груфиньи*. Руководство въ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ пактѣ—1 р. 75 к. Въ перек.—2 р.

Экстазы человека. *И. Мантегаца*. Перев. съ 5 итал. изд. д-ра *Лейнберга*. Ц. 1 р. 50 к.

Умственные эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки, д-ра *Неллара*. Перев. съ франц. *Эл. Зауэра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популяр. очерки міровѣдъ. 5 изд. въ первый разъ иллюстр. (60 рис.). Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламариона*. Перев. съ франц. *М. Черкасова*. Съ 100 рис. 2 изд. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Соч. *Майера* и *Присса*. Перев. съ нѣмецк. и англійск. *Д. Головог*. Съ 193 рис. Ц. 2 р. 50 к. Одобрено Морск. Учен. Комитетомъ.

Электрическіе элементы. Соч. *Нюде*. Перев. и допол. *Д. Головог*. Со мног. рис. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренге*. Пер. и допол. *Д. Головог*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Состав. *В. Чиколева*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества. *В. Чиколева*. Ц. 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

Электричество и магнетизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрие*. Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова* и *С. Степанова*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярная лекція объ электрич. и магнетизмѣ. *О. Холлсона*. Съ 130 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Готтшамля*. Перев. *С. Степанова*, со множест. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Готшамля*. Перев. съ франц. *С. Степанова*. Съ множест. рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Воттона*. Съ кратк. свѣдѣн. о воздушн. звонк. 114 рис. въ текс. Перев. съ англійск. *Д. Головог*. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составлен. *Гексли, Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ*. Съ портр. Дарвина. Ц. 75 к.

Психологія велик. людей. Профес. *Жюли*. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эрнста*. Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ*. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи *А. Сякки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для практичскихъ врачей. Сост. профес. *Да-Коста*. Перев. съ нѣм. д-ра *Ф. Фридберга*. 704 стр., съ 48 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. Перев. съ франц. Ц. 50 к.

Современныя психопаты. Д-ра *Кюллера*. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и рис. 2 изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевая насекомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Сост. *Г. Тиссандье*. Съ 31 рис. портр., краткой біографіей и автографомъ Эйфеля 11. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. *Барона Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. Изд. 2-е Ц. 60 к.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и о способѣ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Вальтер-Скотта въ сокращен. пер. А. Шелгуновой. 1) Веверлей, 2) Алтикаръ, 3) Робъ Рей, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц. каж. ром. 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переп. по 5 ром. Ц. 2 р 80 к.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращ. пер. А. Шелгуновой. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большая надежда, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошкѣ Дорритъ, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвистъ. Ц. каж. ром.—40 к. Въ папкѣ 50 к., въ пер. по 6 ром.—3 р. 25 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. А. Круглова. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к. въ переп. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. раз. В. Яковлю. Со мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточный раз. въ стих. В. Буша. Пер. съ нѣм. 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. А. Брянчанинова. Съ предис. И. С. Тургенева. Мног. рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

Черные богатыри. Е. Конрадъ. Со мног. рис. Ц. 2 р. въ пер. 2 р. 75 к. **Въ добрый часъ!** Сбор. дѣтск. разсказ. А. Лякида. Съ рис. Ц. 75 к. въ пап. 1 р. въ переп. 1 р. 25 к.

Задушевные рассказы. П. Засодимскаго. Два тома съ 135 рис., ц. каж. въ пап. 1 р. 50 к. въ переп. 3 р.

Хорошіе люди. В. Острогорскаго. Съ 45 рис. 2-е изд., ц. 1 р., въ пап. 1 р. 25 к. въ переп. 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи А. Арсеньева. Съ рис., ц. въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. **Послушаемъ!** Дѣтск. раз. А. Нольде. 28 рис. ц. въ пап. 1 р. въ пер. 1 р. 35 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. Гейбнера. Перев. съ нѣм. Съ 107 рис. ц. 30 к., въ пап. 40 к. въ пер. 60 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картин.) Ф. Павленкова. 10 лист. (на каж. 20 рис.) ц. 1 р. „Объясненіе“ къ нимъ 5 к.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего дѣлаго, и пр. Состав. В. Обреимова. 2-е изд. ц. 40 к.

Математическія развлеченія. Лукаса. Пер. съ франц. В. Обреимова. Съ 55 фигурами и таблицами, ц. 1 р. **Тройная головоломка.** В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами., ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. Живоп. очерки отдален. странъ С. Воррисгофера. Съ 78 рис. 2 изд. ц. 1 р. 50 к. Въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанья молодого быльца. С. Воррисгофера. Съ иллюстр., ц. 2 р. въ пап. 2 р. 25 к. въ пер. 2 р. 75 к.

Сказочная страна. Путевыя приключ. двухъ юныхъ матросовъ. С. Воррисгофера. Съ иллюстр. ц. 3 р., въ пап. р. 25 к., пер. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. С. Воррисгофера. Съ иллюстр., ц. 1 р. 50 к. въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Мученіи науки. Г. Тиссандье. Перев. подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. 3-е изд., ц. 1 р. 25 к., пер. 2 р.

Вечерніе досуги. А. Круглова. Съ 7С рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ переп. 2 р.

Научныя развлеченія. Г. Тиссандье. Пер. подъ ред. Ф. Павленкова. 2-е изд., съ 353 рис., ц. 2 р., въ пер. 2 р. 75 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к. въ пер. 1 р. 75 к. **Рыжій графъ.** Неразлучники. Дочь угольщика. П. Засодимскаго. Съ рис. Ц. каждой книжки по 35 к.

Живыя картинки. А. Смирнова. Сбор. разсказ. съ 50 рис. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к. въ переп. 3 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. А. Круглова. Съ 6 рис., ц. 25 к.

Незабудни. А. Круглова. Сборникъ разсказ. Съ 50 рис., ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Приключенія сверчка. Э. Кандеза. Съ 67 рис., ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Исторія открытій Америки. Даме-Флери. Съ 52 рис., ц. 75 к., въ папкѣ 1 р. въ пер. 1 р. 30 к.

20 биографій образцовыхъ рус. писателей. Состав. В. Острогорскаго. Съ 20 портрет. ц. 50 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р.